

18+

Нина Воробьева

ЗИМНИЙ РЫЦАРЬ

сказки для барышень любого возраста

Нина Воробьева

**Зимний рыцарь. Сказки для
барышень любого возраста**

«Издательские решения»

Воробьева Н.

Зимний рыцарь. Сказки для барышень любого возраста /
Н. Воробьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602357-4

С детства Литта рисует одну и ту же картину — двое любящих людей: красивая женщина и образ мужчины, что из года в год все четче отображается в ее голове. «Я никогда не видела его в реальности, но могла бы узнать в любой толпе...» Такой сборник рассказов непременно нужен каждой из нас, романтических барышень. Атмосферные истории захватывают воображение, и вот уже чувствуешь себя их героиней: злодей почти предрешил печальную судьбу прекрасной дамы, но тут... обязательно появляется благородный рыцарь.

ISBN 978-5-00-602357-4

© Воробьева Н.
© Издательские решения

Содержание

Зимний Рыцарь	6
Невеста Леса	21
Мужчина в доме	36
Ворожея	44
Сказ про лесную ведьму и Дагмара-кузнеца	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Зимний рыцарь

Сказки для барышень любого возраста

Нина Воробьева

© Нина Воробьева, 2023

ISBN 978-5-0060-2357-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зимний Рыцарь

– Вот так.

Я отступила на шаг, чуть склонила голову и критически принялась разглядывать получившуюся картину.

Большая парадная зала. Неяркий свет свечей, усеивающих стены. Огромная ель в углу, обильно украшенная стеклянными игрушками. Танцующая пара – девушка в темно-бордовом, почти черном в тени платье и мужчина в ослепительно белых доспехах, с тяжелым мечом на боку. Лиц не видно – они скрыты частично позой танцующих, частично тенью от мохнатой лапы ели, частично тем, что танцующие тянутся к губам друг друга. Тяжелые густые русые локоны девушки волной растекаются по спине. Мужчина коротко подстрижен и темноволос. Они находятся на требуемом приличиями расстоянии друг от друга, но связь между парой однозначна и практически видима.

Вроде бы неплохо. Может быть, только вот здесь, на подоле, добавить немного тени...

Я потянулась к кисти, но недовольно опустила руку. За дверью послышался шорох шелковой юбки, простучали каблучки, и знакомый голос позвал:

– Литта, ты здесь?

Я стрелой метнулась к картине, отодвинула ее к стене и повернула изображением к стене, чтобы вошедшая дама не видела его.

Я всегда рисовала одно и то же. Точнее, не совсем так. Из-под моей кисти выходили и пейзажи, и букеты цветов, но если я рисовала людей – то всегда одних и тех же. В далеком детстве это были кривые каракули, изображающие девушку в длинном платье и мужчину в белом. Они могли танцевать, гулять, взявшись за руки, или просто смотреть друг на друга. Потом уровень мастерства вырос настолько, что черты их лиц стали хорошо различимы. Девушка походила на меня – но более красивая. Мужчина же... я никогда не видела его в реальности, но могла бы узнать в любой толпе – настолько его образ врезался мне в память.

Примерно с этой же поры я стала прятать свои рисунки от окружающих. Почему-то мне не хотелось, чтобы все – или только некоторые – знали, как я поглощена одним мужским образом. В лучшем случае это вызывало бы смех и шутки, в худшем – меня заподозрили бы в одержимости. Поэтому я показывала только пейзажи и натюрморты, оставляя мужчину в белом своей тайной.

– Да, мама, здесь!

Мама вошла и досадливо покачала головой.

– Здесь, – заключила она. – И, как всегда, рисуешь.

Не видя смысла в словесном подтверждении, я просто пожала плечами.

– Литта, все это прекрасно, но гости уже собираются, а отец ждет тебя на торжественный обед. Клади кисти, дитя мое, быстро переодевайся и спускайся.

– Мама, – простонала я, внутренне передернувшись. – А не может он пока обойтись без меня? Мне надо все убрать, смыть краску, причесаться и одеться, а это не пять минут. К маскараду я спущусь, честное слово.

Мама окинула цепким взглядом воронье гнездо на моей голове, пятна краски не только на руках, но, кажется, и на кончике носа, и кивнула.

– Хорошо. Принц Никлас, полагаю, будет разочарован, но переживет. Ожидание только подогревает чувства.

Как раз из-за принца Никласа мне категорически не хотелось присутствовать на обеде. Он родился на полтора года раньше меня. Наши матери, близкие подруги, неоднократно выражали желание соединить семьи, поженив нас, и сводили при каждой возможности.

Конечно, в детстве о свадьбе и речи быть не могло. Мы возились в песочнице, дрались совочками и делили деревянную лошадку, как и все прочие малыши. В подростковом возрасте Никлас стал более благосклонно относиться к идее взять меня в жены, наблюдая, как формируется моя фигура, отрастают густые волосы и наливаются нежным румянцем щеки. С прошлого года, достигнув совершеннолетия, он неприкрыто начал ухаживать за мной под умиленными взорами наших матерей. Если же мы оставались наедине, принц нагло заглядывал в мой вырез, глотая слюни, и норовил прижать к себе.

Мне же всегда претила мысль о браке с ним. И играя в песочнице, и уворачиваясь от цепких рук, я терпеть не могла Никласа, его белесые тонкие волосы, вечно мокрые ладони и жадный облизывающий взгляд. В три года он отобрал у меня любимую игрушку – зайчика с длинными мохнатыми ушками, зашвырнув его в грязную лужу. В десять пробрался в мою спальню и испортил очередную картину, подрисовав девушке усы и бородку, а мужчине – рога и хвост. В пятнадцать считал себя взрослым, презрительно морщился, встречая меня, и изрекал, что женщины годятся только для одного – разумеется, если поблизости не находился кто-то из наших мам.

А самое главное – он не был тем мужчиной с картины.

Я прекрасно провела время до маскарада, ехидно представляя себе разочарованного Никласа, вынужденного весь вечер смотреть на пустое место перед собой. Убрала краски и тщательно промыла кисти. Перенесла картину к стене, отвернув ее от случайного постороннего взгляда. Полежала в ванне, нежась в пахнущей ландышами воде. С помощью двух служанок причесалась и натянула пышное платье – не темно-бордовое, как на картине, а вишневого цвета. Его юбку украшали лично мною нарисованные и пришитые фрукты – яблоки, груши, персики. На шею легло аметистовое кольцо в виде виноградной грозди. В ушах закачались точно такие же серьги. Прическу украсила диадема в форме венка – я изображала Плодородную Осень. Образ завершила маска такого же вишневого цвета. Со вздохом, чувствуя, что на традиционном маскараде, который мой отец проводил за пять дней до наступления Нового Года, и куда съезжалось множество гостей – включая Никласа! – меня не ждет ничего хорошего, я выскользнула за дверь. Может быть, за маской и пышной юбкой, с убранными в высокую прическу волосами, мой предполагаемый жених не узнает меня?

Напрасные надежды. Никлас не сводил глаз с лестницы и, едва заметив меня, двинулся наперерез, не совсем вежливо раздвигая локтями толпу. Я, в свою очередь, тоже заторопилась, грациозно огибая встречающихся на пути, и в результате мы столкнулись практически у подножия тронов, на которых восседали мои родители.

– Я, кажется, не имел чести быть представленным вам, о Прекрасная... – фальшиво изумленно проворковал Никлас, пытаясь сообразить, в образе кого я предстала. Впрочем, так как его взгляд прилип к округлостям, выглядывающим из тугого корсета, принц мог размышлять довольно долго.

– Осень, – подсказала я, устав ждать.

– Прекрасная Осень, конечно же! – радостно воскликнул он. – Позвольте же представиться вам: я Верховный Маг Гильдии.

Не знаю, почему Никлас решил, что Верховные Маги одеваются именно так: абсолютно черные рубашка, штаны и плащ из лучшей шелковой ткани, расшитой жемчужными звездами. На его груди висел непомерных размеров изумруд, источающий мертвенное сияние. Его держала золотая цепь в палец (Никласа, не мой!) толщиной. Маска и перчатки были сделаны из тончайшей кожи и инкрустированы бриллиантами.

До этого все встреченные мной маги одевались очень просто, в плотные штаны и льняные рубахи, никогда не украшали свою одежду драгоценностями, и зачастую их одежда носила на себе следы неверно исполненных заклинаний. Может быть, в Трехгорье, королевстве отца Никласа, маги ведут себя иначе?

Я вежливо улыбнулась, присела в знак знакомства, заскрежетав зубами, чувствуя, как жадный взгляд устремился в глубину выреза, и повернулась к родителям, надеясь, что на некоторое время избавлена от назойливого внимания принца.

Не тут-то было.

Никлас подхватил меня под руку, оскалился в улыбке и обратился к моему отцу:

– Ваше Величество, смотрите, какая красивая пара образовалась! Нельзя пропадать такому счастливому случаю! Прикажите начать танцы!

Отец с улыбкой посмотрел на меня, еле заметно подмигнул и махнул белоснежным платком. Музыканты на бельэтаже, только и ожидая этого сигнала, заиграли веселую музыку, и я поплелась танцевать.

Вечер полностью оправдывал ожидания. Надежды рушились одна за другой. Я тайно радовалась, что не придется держаться за потные ладони Никласа – а он снял перчатки, небрежно засунув их за пояс. Старалась держаться от него на достаточном расстоянии – он неприлично близко прижимал меня к себе и все время опускал руку, пытаясь нащупать под пышными юбками мое тело! Считала такты до окончания мелодии – принц, презрев все правила этикета, повел меня и на второй, и на третий танец. В промежутках между ними он не отпускал меня на расстояние больше вытянутой руки, надувал грудь как индюк, демонстрируя изумруд, беспрерывно восхищался моей красотой и рассказывал несмешные истории, после чего заливался визгливым истерическим смехом.

После пятого танца я утомилась настолько, что потеряла бдительность и проронила пару слов о том, что голодна.

– Прекрасная Осень хочет есть! – всполошился Верховный Маг. – Позвольте мне угостить вас, дорогая.

Я покорно, не в силах устраивать сцены, пошла за ним к накрытым вдоль стены столам.

– Постойте здесь, Прекрасная Осень, – суеился Никлас, оставляя меня возле ели в углу. – Я сейчас принесу вам все самое вкусное.

И ушел, давая мне возможность хоть несколько минут провести в одиночестве. Я отошла к ели, рассматривая знакомые с детства игрушки. Вот домик со стрелками, остановленными возле цифры «12». Мы с мамой и сестрой всегда вешали его на самое видное место. Вот любимый шарик мамы – синий, с золотыми звездами. Вот дракончик Сесилии – старшая сестра всегда увлекалась этими созданиями и даже замуж вышла за короля горного королевства, где драконы жили в большом количестве. Вот мой рыцарь в серебряных доспехах...

Потянувшись, я сняла с ветки игрушку и едва не выронила ее – под локоть меня взял вернувшийся Никлас.

– Осторожно, не упадите, Прекрасная Осень, – озабоченно проговорил он. – Вот, смотрите, что я вам принес.

– Одну минуту, – отстранилась я. – Мне надо повесить игрушку.

– Только не уколите свои тонкие пальчики, – напутствовал принц.

Я, сжав зубы, пристроила своего рыцаря на видное место и со вздохом вернулась к своему поклоннику.

Разумеется, он принес все самое вкусное – на свой взгляд. Плавающие в масле креветки, скользкие устрицы, один вид которых вызывал у меня тошноту, истекающие жиром кусочки запеченной свинины...

– Позвольте, я накормлю вас, – предложил Никлас, хватая пальцами самый неаппетитный кусок, – чтобы вы не запачкали ваши прелестные ручки...

– Нет уж, – наотрез отказалась я, взяла со стола двузубую вилочку, наколола на нее маленькую креветку и храбро сунула в рот.

Ужасно. Кошмарно. Отвратительно, как я и ожидала. Мало того, что масло растеклось по языку и горлу, так еще и креветка пропиталась острым соусом, и во рту словно заго-

релся пожар. Кое-как проглотив эту гадость, я хрипло попросила Никласа принести воды. Он не выразил энтузиазма, возможно, посчитав, что это способ отделаться от него, но после второй, более настойчивой просьбы все-таки сунул мне в руки тарелку и убыл.

Первым делом я избавилась от ядовитой еды, отставив блюдо подальше на стол. Вторым – обвела взглядом предлагаемые блюда, пытаясь найти, что может потушить пожар у меня внутри.

– Мне кажется, вам сейчас подойдет вот это, – проговорил над ухом незнакомый мужской голос.

Я не вздрогнула, не удивилась и не испугалась. Я расслабилась при первых же звуках, окутавших мои плечи бархатным невидимым шарфом, и медленно повернулась.

Коротко стриженные темные волосы. Ослепительно-белая одежда, по покрою напоминающая военный мундир. Тонкий серебряный кант и пуговицы. Серебряная маска, закрывающая половину лица. Узкие губы и гладко выбритый подбородок с легкой тенью синевы. Чем-то смутно знакомый баритон.

Сердце забилось в груди. Я знала контур этого лица так хорошо, что могла воспроизвести его с закрытыми глазами. Я рисовала его множество раз и видела в сновидениях. Образ, сотканный моими грезами, явился передо мной наяву?

– Прекрасная Осень ведь не откажется от сочных и ароматных земных плодов? – чарующе улыбнулся незнакомец, протягивая мне тарелочку.

Кисточка винограда. Мандариновые дольки. Крохотные тарталетки с икрой. Куриные ломтики с салатом и свернутые розочкой лепестки рыбы. Все то, что так люблю я и так не любит Никлас. Впрочем, ничего удивительного, что являющийся мне во снах и созданных мною картинах рыцарь знает мои вкусы.

– Благодарю вас, Зимний Рыцарь, – церемонно присела я и, соблюдая приличия, бросила в рот мандариновую дольку, заглушая отвратительный привкус креветки.

– Вы угадали мое имя. Поздравляю, Прекрасная Осень, – обнял меня теплым взглядом незнакомец.

– Мне кажется, я знаю вас с младенчества, – улыбнулась я в ответ, беря виноградинку.

– Неужели? – с восхитительно-изумленной интонацией в голосе произнес он. И, к сожалению, вынужден был отступить на шаг, поскольку между нами втиснулся Никлас.

– Прекрасная Осень, вот ваш пунш, – торжествующе сообщил он, подавая мне бокал. – Мне пришлось преодолеть множество преград, добывая его. Я сражался как лев с Паладином, Драконом, Бесом, Гномом и Солнцем! Мне преграждали путь, падали ниц, цеплялись за ноги...

Я не слушала. Одним глотком осушила бокал, не разбирая вкуса. Мой взгляд словно приклеился к серебряной маске, пытаясь проникнуть за нее и убедиться, что я не обманываю себя.

Никлас почуял неладное, оборвал свою победную речь на середине и воззрился на мужчину в белом.

– А вы кто? Я не помню вас.

– Зимний Рыцарь, к вашим услугам, – вежливо наклонил голову незнакомец ровно настолько, чтобы это не сочли неуважением к особе королевской крови.

– Сомневаюсь, чтобы мне потребовались ваши услуги, – процедил сквозь зубы принц и грубо повернулся спиной к собеседнику. – Прекрасная Осень, сейчас заиграют вальс, а вы обещали мне его. Вот вам моя рука.

Я не успела ни возразить, ни возмутиться – настолько неожиданно и властно Никлас повлек меня в центр зала – только жалобно посмотреть на Зимнего Рыцаря, взглядом передавая сожаление, грусть от скорого расставания и нежелание идти с принцем. Мы успели отойти лишь на два шага – перед нами вырос мой спаситель.

– Мне кажется, вы ошибаетесь, – голосом с отчетливо выраженной угрозой произнес он. – Дама обещала этот танец мне.

– Этого не может быть! – визгливо возмутился принц. Но я уже пришла в себя, вырвала у него свою руку и вложила ее в надежную ладонь Зимнего Рыцаря.

– Я всегда выполняю свои обещания.

– Хотелось бы в это верить, – вновь чарующе улыбнулся он и повел меня вперед, оставляя за нашими спинами негодующего и брызжущего слюной Никласа.

Мы вышли в середину зала. Зимний Рыцарь преклонил колено, коснулся губами кончиков моих пальцев и, когда зазвучала волшебная мелодия, уверенно повел в танце. Только сейчас я заметила, что к его поясу прикреплен меч, видимо, деревянный, сделанный специально для костюма – таким невесомым он казался. Так легко и непринужденно двигался в танце мой спутник.

Минуты пролетели вечностью. Точнее, мне хотелось бы, чтобы они длились бесконечно. Мне так нравилось пребывать в строгих, отвечающих правилам объятиях. Чувствовать себя защищенной от любого, кто посмеет мне угрожать. Порхать и быть уверенной, что меня поддерживают сильные руки – лежащие точно так, как предписывает этикет, на талии и моей ладони. Нравилось тепло мужской ладони, кажущейся такой знакомой. Вдыхать притягательный аромат. Ощущать, как натягивается и крепнет возникшая с первого мгновения встречи незримая связь между нами.

Единственное, что меня не устраивало – что после вальса нам придется расстаться, и меня перехватит Никлас.

Словно бы прочитав мои мысли, на последних тактах Зимний Рыцарь оказался на периферии танцующих и увел меня из большой парадной залы в залитую лунным светом галерею.

– Только не говорите мне, что хотели бы вернуться к тому сопляку, – весело проговорил он. Я нежилась в обаянии мягкого баритона, уже полностью отдавшись волшебству, окутавшему меня этой ночью.

– Ни за что не скажу. Честно говоря, я уже устала от Никласа и его общества.

Мне показалось, или Рыцарь насторожился и напрягся?

– Никлас – это тот сопляк, как вы выразились. Возможно, мне следовало бы сказать «Верховный Маг», так стало бы понятнее.

– Я бы скорее назвал его «Напыщенный Павлин»... Но вы с таким жаром произнесли имя Никлас, что я удивился.

– Не люблю ни его, ни его имя, – с чувством сообщила я.

– Полагаю, есть за что? – полувопросительно, полуутвердительно хмыкнул Зимний Рыцарь.

Дальше говорила в основном я. После длинного монолога на тему «почему я терпеть не могу принца Трехгорья» (из которого я тщательно исключила все, касающееся его жадных взглядов, опасаясь, что тогда мой спаситель еще устроит дуэль), мы как-то плавно перешли к живописи. Я призналась, что сама немного рисую, и пообещала при случае показать некоторые рисунки Зимнему Рыцарю (разумеется, не те, где изображен он). Однако упомянула, что на некоторых из них изображена молодая пара, и, не сдержавшись, кратко описала ее. Это привело к странному эффекту: взгляд моего спутника изменился, стал более жарким и притягательным. Меня тянуло к Зимнему Рыцарю, что выходило за все рамки приличия. Но и ситуация сложилась незаурядная: когда еще юная принцесса могла встретиться с мужчиной, который приходил к ней в мечтах всю ее сознательную жизнь?

Щеки пылали от смущения и сдерживаемых эмоций. Голова кружилась, а по телу то и дело пробегали незнакомые обжигающие волны.

– Вам нехорошо, Прекрасная Осень?

– Нет, – улыбнулась я и тут же непоследовательно добавила: – Хотя мне необходимо выйти на свежий воздух.

Я взялась за ручку двери, выходящей на широкий балкон, и очень удивилась, когда мою руку перехватили, и баритон предупредительно произнес:

– Там холодно, Прекрасная Осень, а у вас легкое платье с открытыми плечами.

– Мне просто нужно немного подышать, – жалобно проговорила я, надеясь, что на воздухе справлюсь с буйствующими во мне эмоциями.

Зимний Рыцарь тяжело вздохнул и взялся за пряжку ремня, стягивающего мундир.

– Раздетой я вас не пушу. Подержите, пожалуйста.

Он передал мне ремень вместе с висевшим на нем мечом, который я считала бутафорским, но на деле оказавшимся боевым.

– Тяжело? – по-своему понял мой вздох Зимний Рыцарь. – Я сейчас заберу его. Вот, пожалуйста.

На мои плечи легла теплая ткань. Из рук забрали оружие. Рыцарь застегнул ремень и заботливо помог мне просунуть в рукава руки.

– Готовы, Прекрасная Осень? Тогда идем.

В лицо ударил вкусный морозный воздух. Кстати, не такой и холодный, как можно было бы подумать. Но мне нравилось чувствовать, как нагретый Рыцарем мундир укутывает мои плечи. В тех местах, где мужские пальцы коснулись тела, кожа словно бы горела.

Чтобы отвлечься от этих ощущений, я спросила первое, что пришло в голову:

– А почему у вас боевой меч?

Рыцарь, явно размышляющий о чем-то другом, недоуменно переспросил:

– А каким он должен быть?

– Ну... – замялась я. – Вы пришли на бал, меч явно предназначен для красоты, а не боя. Так зачем таскать с собой такую тяжесть? Не драться же вы пришли со счастливым соперником?

– Во-первых, за свою жизнь я привык к этой тяжести, – усмехнулся Зимний Рыцарь, – и без нее чувствую себя раздетым. А во-вторых, не драться с соперниками, а отгонять их от своей дамы сердца.

Смутившись, я весело рассмеялась:

– Никласа вы отогнали без применения оружия.

– Если бы потребовалось, я отогнал бы сотню таких Никласов, – так же весело отозвался Рыцарь. Вот только глаза его посерьезнели.

– Вы считаете, что я ваша дама сердца? – еле слышно выдохнула я.

Как-то очень резко на нас опустилась тишина. Веселье, игравшее в нас обоих несколько минут назад, улетучилось легким дымком. Мир исчез. Остались только балкон, мы, не сводящие глаз друг с друга, и огромная яркая луна, зависшая на черном небе.

Рыцарь опустился на колено и взял мою правую руку.

– Разве может быть иначе, Литта? – прошептал он, касаясь губами кончиков пальцев.

Я даже не обратила внимания, что он назвал меня по имени. Во мне бушевали незнакомые, будоражащие, немного пугающие эмоции. Как приличной девушке, мне следовало бы возмутиться и вырвать руку, если не оскорблено залепить нахалу пощечину. Но я продолжала стоять, чувствуя, как через прикосновение мужской руки в меня вливается что-то глубоко забытое, но такое знакомое. Связь между нами, крепнувшая весь вечер, казалось, стала видимой и начала сокращаться, притягивая ближе.

Я сделала маленький шаг вперед.

Зимний Рыцарь поднялся, не выпуская моих пальцев.

Я приподняла голову.

Серебряная маска мешала, не давая поймать что-то зародившееся во мне. Что-то, что было там уже давно и теперь нащупывало себе путь на свободу, и это что-то было чрезвычайно важно для меня.

Я шагнула еще раз, неосознанно приподнимая свободную руку, чтобы потянуть за болтающийся на затылке шнурок.

Рыцарь не двинулся, чтобы воспрепятствовать мне.

Черная тень на мгновение закрыла луну. Одним резким движением Рыцарь швырнул меня себе за спину, одновременно доставая из ножен меч и всматриваясь в небо. Потом выдохнул и опустил оружие.

– Все нормально. Опасности нет.

Зато я завизжала от ужаса, видя, как над крышей замка закладывает вираж серебристое чудище и, плавно раскрыв крылья, опускается на двор перед нашим балконом.

– Как нет? Ведь это же... это же дракон!

– Виверна, – мягко поправил Зимний Рыцарь. – И опасности нет. Это моя виверна. Видишь, она оседлана.

Серебристое чудовище изогнуло длинную шею и приблизило морду к Рыцарю. На покрытой чешуей спине действительно крепилось кожаное седло.

– Моя хорошая, – проговорил Рыцарь, почесывая зверюгу за ухом. Виверна издала тихий звук и прикрыла от удовольствия глаза.

Осмелев, я вышла из-за спины Рыцаря и подошла к чудищу поближе. Виверна поражала своей красотой: гибкая шея, элегантная форма головы, грациозное стройное тело и длинный хвост с сердцевидным утолщением на конце.

– Красавица, – восхищенно протянула я, осторожно дотрагиваясь до блестящей чешуи. – Как ее зовут?

– Клоти.

Виверна приоткрыла глаза, осмотрела меня и, высунув раздвоенный на конце язык, лизнула в щеку.

– Ты тоже ей понравилась, – констатировал Рыцарь.

Теперь я понимала, почему Сесилия так любила драконов. Она и замуж вышла за короля, живущего в горах и занимающегося их разведением. Такие красивые, грациозные создания... Воплощенные сила, мощь и элегантность.

Я более смело начала поглаживать серебряную морду. Виверна благосклонно принимала ласку, урча от удовольствия как домашний кот. И опять испугала меня, когда вдруг прикусила зубами белый мундир – совсем легко, огромные зубы даже не проткнули толстую ткань – и потянула к себе.

– Нет, Клоти! – сурово приказал Зимний Рыцарь. Виверна, не подчинившись, потянула меня сильнее.

– Что она хочет?

– Предлагает тебе полетать на ней, – недовольно проворчал рыцарь.

– Полетать? – в ужасе переспросила я, но тут же осознала, что хочу этого. Да, это совершенно жутко, неподобающе и неприлично, но такую заманчиво... Подняться в зимнее небо, к огромной луне, на серебристом драконе, принадлежащем образу моих грез... Волшебство, окутывающее меня, продолжало действовать.

Клоти легонько ткнула хозяина в плечо и фыркнула, выражая недоумение.

– Литта, ты хочешь этого? – пристально взгляделись в меня глаза из-под серебряной маски. Я кивнула, все больше напиваясь уверенностью – да, действительно хочу!

Зимний Рыцарь тяжело вздохнул.

– Клоти, крыло!

Виверна, удовлетворенно выдохнув, развернула крыло и перекинула его через перила, образуя своеобразный мостик. Я не успела опомниться, как Рыцарь подхватил меня на руки и уверенно прошагал по нему на спину Клоти. На меня натянули плотную кожаную куртку, вынутую из переметной сумки, на голову лег такой же шлем, безжалостно примявший волосы, а в довершение всего талию опоясал широкий ремень, крепко прижавший меня к груди Рыцаря.

– Держись вот здесь, – показал он на кожаные петли. – Клоти, вверх!

Вытянув шею и хвост, виверна пробежала немного по двору и взмыла в воздух, туда, к бледному сиянию луны. Мой желудок сначала оказался где-то в пятках, потом вернулся на место, и у меня захватило дыхание от восторга.

– Клоти, плавными кругами, а потом вниз! – крикнул Рыцарь. – Плавными!

Виверна, распластавшись на воздушном потоке, не торопясь поднималась все выше и выше. Я, забывая от восхищения хватать воздух, рассматривала заснеженные крыши, круглую жемчужину озера, черные линии деревьев... Щеки пылали. Руки крепко сжимали петли. Спина даже через платье, мундир и куртку чувствовала жар, исходящий от Рыцаря. Хотелось петь, орать и плакать одновременно. Я не чувствовала мороза, кусающего за все доступные ему части тела, наслаждаясь новыми ощущениями. Зато о нем помнил Рыцарь.

– Клоти! Вниз!

Быстро – даже слишком быстро, на мой взгляд – виверна скользнула вниз, к земле. Меня замутило, закружилась голова. Я зажмурилась, видя, с какой скоростью приближаются каменные плиты двора, и зажала рот рукой, чтобы не завизжать, иначе в следующий раз Рыцарь не возьмет меня в полет. У меня не возникало и тени сомнения, что следующий раз непременно наступит.

На мне расстегнули ремень, сильные руки приподняли меня, и Рыцарь по крылу виверны отнес меня на тот же самый балкон. Я, со все еще кружащейся головой, доверчиво прижималась к нему, обхватив руками за шею, и не очень обрадовалась, когда меня опустили на балконные плиты. Темные глаза мужчины искрились нежностью, теплотой, заботой... и чем-то еще. Серебряная маска все так же мешала мне. Я отчаянно хотела увидеть, что скрывается под ней, убедиться, что Рыцарь именно такой, как представлялось мне, понять, что согревает меня изнутри и что именно сверкает в его глазах.

С трудом отдавая себе отчет в своих действиях, я подняла руку и дернула за шелковый шнурок.

Маска свалилась.

Я замерла, забыв, как дышать. Волшебство зимней ночи рухнуло на меня, прижав плечи тяжелым грузом осознания. Как я могла так точно представлять человека, которого не видела прежде? Откуда знала каждую черточку, включая небольшой шрам над левой бровью? Почему мне так знаком голос Зимнего Рыцаря?

– Литта... – крепко сжав мои руки, прошептал он. – Кажется, я должен кое-что рассказать тебе.

Я, все еще не в силах произнести ни звука, кивнула. Часть меня считала, что не стоит слушать Рыцаря. Он объяснит все странности, волшебство пропадет, и я вернусь в скучную обыденность к Никласу, его притязаниям и липким взглядам. Но другая моя часть – и больше по размерам, чем прежняя – полагала, что после слов Рыцаря все не только не закончится, а, наоборот, начнется. Что-то, распускающееся во мне, расцветет бурным цветом и изменит мою жизнь.

– Литта... – тихо начал Зимний Рыцарь, притягивая меня к себе.

– Дракон! – закричал кто-то поодаль. Послышались еще крики, замерцали факелы, и Рыцарь неохотно отпустил меня.

– Иди в зал. Я найду тебя там, только разберусь с виверной.

Он снял с меня куртку вместе с мундиром, надел на себя и прыжком перепрыгнул через перила.

Я намеревалась подождать его в галерее, но, поймав свое отражение в стекле, быстро передумала. Маска с меня слетела, и я даже не заметила, когда и где. Скорее всего, во время полета на виверне. Платье помялось, а фрукты на нем частично промокли, частично порвались. Хуже всего дело обстояло с прической – растрепавшаяся, съехавшая на одну сторону, с перекосенной диадемой. В таком виде не стоило не только возвращаться к родителям, но и показываться кому-либо на глаза. Подобрав юбки, я метнулась в свою комнату приводить себя в порядок.

Это заняло довольно много времени. Нарисованные фрукты я просто сорвала и бросила в камин, рассудив, что уже можно обойтись и без них. Подол платья за это время подсох. С прической я провозилась дольше всего. После многократных безуспешных попыток в одиночку поправить ее, я просто расчесала волосы и скрепила их диадемой. В таком виде, осмотрев себя в зеркале в последний раз, я спустилась в большую залу.

И, конечно, первым делом наткнулась на Никласа.

– Литта?

В его голосе удивительно смешались удивление, вожеление и недовольство.

– Где твоя маска? И почему ты в таком виде?

Не могла же я сказать, что маска слетела во время полета на виверне, принадлежащей Зимнему Рыцарю?

– Она мне надоела, Никлас.

– Верховный Маг!

– Никлас, – выделила я голосом, – я уже устала от детских игр. Время близится к полуночи, скоро все равно все обязаны будут снять маски. Я просто чуть опередила остальных. Не вижу смысла скрывать все, что и так известно. Ты же безошибочно нашел меня в толпе.

– Как и твой поклонник в белом, – ядовито процедил Никлас. Я уже не могла сдерживаться.

– У тебя нет права разговаривать со мной в таком тоне.

– Долго это не продлится, – торжественно пообещал принц. – После сегодняшней ночи все изменится.

– О чем ты говоришь? – насторожилась я. Волшебство, окутывающее меня, быстро улетучивалось без всяких объяснений Зимнего Рыцаря. Обыденность слишком быстро возвращалась, и мне очень не хотелось этого. Где же, интересно, образ моих грез? Ведь он обещал найти меня в зале, а прошло довольно много времени. Рыцарь уже должен был возвратиться.

– Наши родители обручили нас вскоре после твоего рождения, и ты прекрасно знаешь об этом, Литта. Мне осталось формально попросить у Его Величества твоей руки.

– Он не даст согласия, пока не соглашусь я, – презрительно фыркнула я. – А ты прекрасно знаешь, Никлас, что я никогда не пойду на это.

– Это всего лишь формальность, – не скрывал своего торжества Никлас. – Когда это отцы слушали мнения своих дочерей по поводу их замужества? Тем более если оно решает многие политические и экономические проблемы.

Я промолчала, еще пристальнее вглядываясь в зал в поисках высокой фигуры в белом.

– Я не собираюсь долго тянуть со свадьбой, – напыщенно продолжал будущий жених. – И так ждал почти восемнадцать лет. А уж после этого счастливого для нас обоих события ты не будешь указывать мне, как с тобой следует говорить.

– Это мы еще посмотрим, – не выдержала я. Мало ли что говорит Никлас. Отец выслушает мое мнение. Особенно если я приду под руку с человеком, портретами которого заполнена вся моя мастерская, и продемонстрирую некоторые из них, самые удачные. Никакой свадьбы с Никласом не будет. Отец не отдаст меня за нелюбимого.

– Ты ищешь своего поклонника в белом? – пренебрежительно обронил принц. – Не старайся. Его здесь нет. Как только я объяснил ему, кто ты такая, и что у него нет ни малейшей надежды на продолжение отношений...

– Ты рассказал о помолвке, не имеющей никакого значения? – возмутилась я.

– И о ней, и о твоём статусе, и о том, что твой отец никогда не выдаст дочь замуж за неизвестно кого...

– Ты не подумал, что можешь сам ошибиться в отношении его статуса?

– Нет, – нагло рассмеялся Никлас. – Я знаю всех знатных людей в соседних королевствах, а его никогда не видел, так что твоему поклоннику-неудачнику ничего не светит. И он, кстати, тоже понял это, так как после нашей милой беседы исчез, и больше я его не видел. Когда мы пойдем к твоему отцу, дорогая?

Я подобрала юбки и начала медленно, с прямой спиной подниматься по лестнице к себе.

– Куда ты, Литта? – крикнул мне вслед принц. – Кабинет твоего отца в другой стороне!

Я не удостоила его ни взглядом, ни ответом. Не только потому, что мне претило общение с этим представителем рода человеческого, но и потому, что не хотелось выдавать ему вновь бурлящую во мне эмоциональную бурю. Совсем не такую, как час назад. С противоположным знаком, так сказать.

Зимний Рыцарь обманул меня?

Не знаю.

Я сама обманулась в нём?

Не знаю.

Что вообще произошло сегодня – со мной, с ним, с нами? Если уж на то пошло, что происходило со мной на протяжении всех моих восемнадцати лет? Почему я рисовала одно и то же, и как это связано с человеком, катавшим меня на виверне?

Не знаю, не знаю, не знаю!

Я ворвалась в свою комнату и захлопнула дверь.

Одно ясно точно – никуда я сейчас не пойду. Мне надо хорошенько подумать, как строить разговор с отцом, чтобы не показаться истеричной глупышкой, прельстившейся первым встречным и из-за этого отказывающейся выходить замуж. Портреты, конечно, помогут, но хорошо бы, чтобы отец увидел вживую изображенного на них персонажа. Встречи с Его Величеством надо избегать до того, как мне удастся найти Зимнего Рыцаря и все-таки узнать, что он хотел мне сказать и почему кажется таким знакомым. А проще всего избежать встречи с отцом, уехав из замка. И я даже знала куда – в гости к сестре. Это не вызовет ни у кого подозрений – сестру я любила, но после появления у нее детей мы виделись очень редко.

– Литта?

На этот раз мама не удосужилась подождать, пока я открою дверь, а сама распахнула ее, влетая под аккомпанемент шелкового шороха. – Литта, Никлас сказал, что ты поднялась к себе. Что ты делаешь?

Я с трудом выпуталась из вороха пышных юбок платья и с облегчением отбросила его на кровать.

– Уезжаю к Сесилии.

– Литта, но отец хочет поговорить с тобой?

Я натянула теплую рубашку и достала шерстяную юбку из шкафа.

– По поводу предложения Никласа?

– Да, но...

Я не дала маме договорить.

– Вот поэтому я и уезжаю. Мне надо все как следует обдумать. Объясни это папе, как сможешь. Уверена, у тебя все отлично получится.

– Литта, послушай меня...

– Не хочу, – опять перебила я, бросая в сумку первые попавшиеся вещи. – Я все выслушаю, когда вернусь. Довольно скоро. Через неделю-другую, хорошо?

– Хорошо, – недовольно согласилась мама. – Передавай Сесилии привет и самые добрые мои пожелания. И детям тоже, обязательно! Я распоряжусь, чтобы тебя сопроводили до ее замка.

Мама повернулась, чтобы уйти, но я позвала ее, немного сомневаясь, правильно ли делаю.

– Мама... ты видела сегодня в замке высокого гостя в белом и серебряной маске?

– Да... Кажется, понимаю, о ком ты.

– Он ушел раньше, чем сняли маски. Ты можешь узнать, кто это был?

– Могу, – с сомнением отозвалась мама. – Литта, но...

– Я потом все объясню, хорошо? – Я подбежала и чмокнула маму в напудренную щеку. – Когда приеду.

И быстро побежала вниз, чтобы мама не стала расспрашивать, зачем мне понадобился неизвестный гость. И поэтому не видела, как она подошла к забытой мною картине у стены, повернула ее и долго рассматривала танцующую пару, а на ее губах играла загадочная улыбка.

Выезжая из ворот замка, я невольно бросила взгляд на луну – не мелькнет ли там тень виверны? Нет. Луна сияла полным блеском, освещая нам дорогу. Сжав зубы, пряча подальше нахлынувшую тоску и сожаление, я послала лошадь вперед.

Сесилия встретила меня раскрытыми объятиями. Она с первого взгляда догадалась, что мой визит продиктован не только родственными отношениями, но расспрашивать не стала.

– Отдыхай, Литта. Если получится, конечно. Дети придут в восторг, когда узнают о твоём приезде.

Все так и произошло. Четверо ребятшек в возрасте от восьми лет до двух завизжали от радости при нашей встрече и оккупировали все мое время. Мы читали, лепили снеговиков, катались с горки, валялись в снегу, строили из подушек и пледов замок с красивой принцессой и злым драконом, а перед сном пили теплое молоко с печеньем. Только ночью у меня было время подумать о своих проблемах, но сон накрывал быстрее, чем в голову приходила хотя бы одна умная мысль.

Накануне Нового Года дети разбуянились настолько, что пришлось призвать на помощь их маму. Где лаской, где словом, где дополнительным печеньем Сесилии удалось уговорить сорванцов и уложить их, но они все равно возились и хихикали.

– Мама, а дядя Никлас придет? Он же обещал, – вдруг вылез из-под одеяла старший наследник престола.

– Приедет. Завтра утром. А теперь спи. – Мать еще раз укрыла мальчика и поцеловала в вихрастую темноволосую голову. – Спокойной ночи, сынок.

– Ты же говорила, что Новый Год пройдет в семейном кругу, без гостей? – напустилась я на сестру, когда мы тихо вышли из детской.

– В семейном он и пройдет, – удивилась Сесилия.

– А почему же тогда приглашен Никлас? – продолжала напирать я.

– Как почему? Он же член нашей семьи, – изумленно развела сестра руками. Я расстроено прикусила губу, сдерживая нежданно подступившие слезы. Все уже зашло так далеко? Никлас уже безоговорочно считается членом нашей семьи? И он был прав, утверждая, что отцу без надобности мое решение на этот счет? Может быть, я зря уехала? Надо было остаться и поговорить с отцом, несмотря на риск показаться истеричной глупышкой?

– Так, Литта, мне это не нравится, – заявила сестра, внимательно глядя на меня. – Кажется, нам пора поговорить.

Она увела меня в небольшую уютную гостиную, явно используемую только женщинами – везде в милом беспорядке лежали вышивки, начатые и законченные, мотки ниток и лент, крючки и нашпигованные иглами подушечки.

– Держи, – Сесилия протянула мне чашку с, судя по запаху, теплым вином с пряностями. – Садись и рассказывай. Почему ты удрала из дома и какое отношение к этому имеет Никлас?

Я задумалась, с чего бы начать.

– Когда ты в последний раз видела Никласа?

– Какого? – вместо ответа переспросила сестра. Видя мое недоумение, она пояснила: – Я знаю двоих. О ком ты спрашиваешь?

– Их двое? – пораженно уточнила я.

– Их может быть гораздо больше, но мне представляли только двоих. Так кого ты имеешь в виду?

– Сына короля Трехгорья.

– Этого противного мальчишку? Довольно давно. Кажется, на своей свадьбе десять лет назад, и не скажу, что мечтаю увидеть его еще раз. Вряд ли он сильно изменился с той поры.

– Стал еще хуже, – отстраненно проронила я, обдумывая полученную информацию. Если Сесилия не желает видеть Никласа, тогда кто же придет завтра утром?

– Брат моего мужа, – с удовольствием ответила на мой вопрос сестра. – Странно, что ты не знаешь о нем. Хотя... подожди-ка. Да, ты же с ним не встречалась. На нашей свадьбе он не присутствовал, поскольку был очень занят воспитанием дракончика. Ты же знаешь, что, когда они появляются на свет, от них в буквальном смысле невозможно отойти? Хуже, чем с младенцами, честное слово... Да, и по соседям Никлас не любит разъезжать... Большая удача, что он прибудет домой хотя бы на Новый Год. Завтра ты встретишься с ним, милая. Он понаравится тебе, обещаю. Полная противоположность тому, второму Никласу, – весело рассмеялась она.

В темноте за окном метнулась серая тень. Сесилия резво подбежала к нему и выглянула наружу.

– А вот, кажется, и он прилетел. Никуда не уходи – я сейчас приведу его знакомиться. Нехорошо, что родственники понятия не имеют друг о друге.

Даже если бы я хотела удрать – у меня бы не получилось: так сильно задрожали ноги и затряслись руки. Сесилия сказала «прилетел». Никлас – ее Никлас! – воспитывал дракона десять лет назад. Виверна – разновидность драконов. За окном мелькала серая – возможно, серебристая в темноте – тень.

Может ли Никлас сестры быть моим Зимним Рыцарем?

Может, почему бы и нет?

Факты складывались, как кусочки головоломки. Зимний Рыцарь не мог появиться на маскараде без приглашения – значит, отец знает его. Мой отец, разумеется, знаком с родственниками своего зятя, иначе и быть не может. Рыцарь называл меня настоящим именем, хотя нас никто не представлял – он понимал, с кем разговаривает и кому укрывает плечи мундиром.

Тогда почему он исчез и не нашел меня на балу? И что хотел рассказать мне?

Я на ослабевших ногах подошла к окну и увидела там именно то, что и хотела увидеть – серебристую виверну с седлом на спине.

– Никлас, проходи. Смотри, кто к нам приехал в этом году!

– Литга?

Я обернулась, без особого удивления посмотрев в глаза Зимнему Рыцарю.

– Добрый вечер, Зимний Рыцарь.

– Что ты здесь делаешь?

Его голос, по-прежнему бархатный и обволакивающий, теперь пронизывали жесткие нотки.

– Приехала к сестре на семейный праздник. Как и ты – к брату.

– Сестре, конечно же... Я и подумать не мог, что ты будешь прятаться у меня дома.

– Я понятия не имела, что это твой дом.

Сесилия все это время недоуменно переводила взгляд с меня на Рыцаря и обратно.

– Как я понимаю, вы уже где-то виделись... Ладно, не буду вам мешать. Но ты потом все мне расскажешь, Литта!

Она исчезла за дверью. Мы едва обратили на это внимание, не сводя глаз друг с друга.

– Я был уверен, что ты узнала меня...

– И поэтому сбежал, не выполнив обещания? – горько усмехнулась я.

– Какого обещания? – подобрался Рыцарь.

– Найти меня в зале на маскараде. – Я гордо задрала вверх подбородок, не давая вылиться слезам.

– Этого... – облегченно выдохнул он. – Видишь ли, Литта, я ждал тебя в зале. Но после небольшого разговора с тем сопляком пришел к выводу, что лучше подожду тебя в кабинете отца.

Сопляк – это, несомненно, Никлас. Но, пока я металась в обманутых чувствах, Рыцарь сидел у моего отца?

– Литта, тебе разве не передавали просьбу прийти к нему? Я ждал сколько мог, пока это не показалось неприличным. А потом пришла Ее Величество и сообщила, что ты сбежала.

– Я на самом деле сбежала, но только потому, что обманулась в своих ожиданиях и тебе, – медленно проговорила я, пытаюсь собрать разбегавшиеся мысли. Мама сказала, что...

– Подожди! Меня просили прийти к отцу, так как Никлас собирался просить у него моей руки.

– Именно так, – роняя каждое слово, подтвердил Рыцарь. – Я напомнил твоему отцу о его обещании и попросил твоей руки.

– Но я же не знала, что тебя тоже зовут Никлас! Я считала, что речь идет о том сопляке, как ты выразился!

– Ты ничего не помнишь, да, Литта? – тихо спросил Рыцарь. – Но ты сама сказала, что помнишь меня с младенчества... Я ошибся, да?

Я тряхнула головой, уже ничего не понимая. Да, кажется, я говорила что-то такое... и не соврала, поскольку рисовала его с детства... О каком обещании моего отца идет речь?

– Позволь напомнить тебе кое-что, – мягко проговорил Рыцарь, подходя ко мне и беря обе мои руки в свои. Уютное тепло пошло от них по моему взбудораженному телу, успокаивая, расслабляя и наполняя чем-то загадочно-волшебным. – Тебе было годика три, может быть, четыре... Ты играла в саду, залезла на дерево и не могла слезть, потому что испугалась высоты. И на помощь не могла позвать, потому что опасалась – тебя поругает мама.

Я закрыла глаза, окунаясь в чарующие звуки. В памяти действительно начали всплывать смутные картинки – царапающая кора кажущейся непрочной ветки, солнце, пробивающееся сквозь листву, яркие пятна спелых вишен, за которыми я и полезла тогда, не дождавшись, когда их подадут на десерт. И высокий, как мне казалось в свои три с небольшим года, юноша, который снял меня с дерева, промыл царапины и нарвал целую гору ягод...

– Это был ты, – уверенно сказала я, открывая глаза.

– Я. Меня взял с собой брат, приехавший по делам к твоему отцу. Я заскучал и пошел прогуляться по саду.

– И в итоге провел со мной весь день, – добавила я. Воспоминания все яснее всплывали в памяти. – А вечером...

– А вечером мы зашли к Его Величеству, и ты подвела меня к нему.

– И сказала, что это мой будущий муж...

Я хотела схватиться за щеки, залившиеся густым румянцем, но Рыцарь не отпустил мои ладони, крепко сжимая их.

– Его Величество улыбнулся и пообещал, что, когда ты вырастешь, он еще раз поговорит с тобой об этом. Ты выросла. Мне пришло приглашение на бал-маскарад, и я решил, что было бы неплохо посмотреть, в кого выросла та малышка... А потом, увидев, что ты явно узнала меня... поговорив с тобой... взяв за руку... вспомнил об обещании твоего отца.

– Я действительно узнала тебя, – прошептала я, уткнувшись в его плечо, чтобы хоть так скрыть горящие от смущения щеки. – Твой образ так запал в мою душу, что я рисовала тебя всю свою жизнь. Твои глаза, твои черты лица, твой шрам над левой бровью... Но совершенно забыла, откуда взялся этот образ. И весь вечер гадала, почему твои руки, твой запах, твой голос кажутся мне такими знакомыми.

– Литта, – вздохнул он. – Если бы я знал, то не отпустил бы тебя, не объяснившись.

– Я бы и сама не сбежала, зная, что ты ждешь меня у отца. Стой! Мама же знала, куда я поехала. Она сообщила только то, что я удрала, и ничего больше?

– Да, – отстранился от меня Рыцарь. – И все это время мы с Клоти обыскивали окрестности в поисках сбежавшей принцессы. Меня еще удивляло, что твой отец так равнодушно отнесся к побегу.

– Мама! – с чувством высказалась я. – Она точно знала, кто ты. И это ее любимое правило «Ожидание подогревает чувства»... Она дала нам время или остыть, или...

– Распалить их до полыхающего пламени? – подсказал Рыцарь.

– Да, – призналась я, поднимая голову. В темных глазах образа моих грез и яви полыхали оттенки того самого распаленного пламени. Я не сомневалась, что и в моих он видит то же самое. Внутри меня бурно разрасталось то самое незнакомое, зародившееся на маскараде чувство, распуская по всему телу длинные плети. Руки зажили собственной жизнью и легли на широкие мужские плечи. Сердце колотилось как пойманная птичка. Голова закружилась, и из нее исчезли последние внятные мысли.

В следующее мгновение мы целовались. Жестоко и нежно, страстно и ласково. Отчаянно – и даря друг другу себя. Даря то, что и так принадлежало нам. Я прижималась к Зимнему Рыцарю, и он обнимал меня так, словно боялся отпустить. Мы сливались в поцелуе, забыв про то, где находимся.

– Литта! – возмущенно крикнула сестра. – Что ты делаешь?

Рыцарь оторвался от моих губ, впрочем, не отпуская и по-прежнему прижимая к себе.

– Сесилия, не верю, что после десяти лет брака ты все еще не знаешь, как целуются люди, – хмыкнул он.

– Я-то знаю, но моя сестра... И ты...

– Обручились еще много лет назад, так что имеем полное право делать это. Но ты права, надо официально объявить об этом. Найди одежду Литты, мы немедленно улетаем к ней домой.

– Литта?

Я высунула голову из-за широкой спины Рыцаря и виновато улыбнулась.

– Я все расскажу тебе, обещаю. Когда вернусь. А сейчас нам действительно пора.

Клоти радостно встретила меня, ткнувшись в плечо. Ее еще не успели расседлать, и Рыцарь легко усадил меня на ее спину, запрыгнул сам и застегнул на талии ремень. Виверна распахнула крылья, пробежалась по двору и поднялась к луне, унося нас в новую жизнь.

Новую, счастливую жизнь, пусть даже моего мужа зовут Никлас. Я привыкну к этому имени. Но он навсегда останется для меня Зимним Рыцарем.

Невеста Леса

- Зла-а-а-та!
- Златка!
- Злата, куда ты!
- Златка, только попадись мне, косы выдеру!

Не обращая внимания на оклики старших сестер, я зачарованно уходила в глубины леса. Нет, не так. Глубины Леса.

Сколько себя помню, Лес, окружающий наше поселение, внушал мне безграничное уважение и неумолимое притяжение. Едва научившись ходить, я заковыляла на нетвердых ножках в сторону белоствольных берез и густого кустарника. Маме пришлось поручить отдельной няньке глаз с меня не спускать и, едва целеустремленное дитя вознамерится выйти за пределы двора, хватать его под мышку и относить в дом под неистовый рев.

Даже когда я подросла и стала твердо стоять на ногах, мама наотрез отказывалась отпускать меня в Лес одну, а старшие сестры не хотели возиться с малявкой вместо болтовни с подружками во время сбора ягод. Мне оставалось только с завистью смотреть, как они веселой стайкой выпархивают за высокие ворота, и глотать горькие слезы обиды.

Только в пятилетнем возрасте мне удалось вымолить у мамы разрешение пойти в Лес с сестрами. Пришлось дать кучу обещаний – не отходить от них ни на шаг, беспрекословно слушаться, не шалить и не баловаться. И все они мгновенно вылетели из моей светловолосой головы, как только вокруг нас появились уходящие в высокое голубое небо сосны, а под ногами зашуршала трава, испятнанная лоскутами света и тени.

Лес притягивал меня к себе. Я шла на его Зов, восхищаясь всем, что видела – и пустым гнездышком в зарослях можжевельника, и сизыми ягодами черники, и недоспелыми орехами, и семейкой красивых мухоморов, и огромной, в три обхвата елью, нижние ветви которой создавали своего рода шатер. Конечно, мне немедленно потребовалось в него залезть и проверить, кто еще может там поместиться. По моим прикидкам, в шатре должна была удобно устроиться даже Милада, самая старшая сестра, которая готовилась к замужеству.

И только сейчас я сообразила, что сестер рядом нет. Мало того, уже давно не слышны и их голоса. Нет, я не расплакалась и не стала аукать. В Лесу со мной не могло ничего случиться. Если я пришла оттуда, то, значит, туда и нужно идти, чтобы найти сестер.

И, подхватив кузовок, я бодро зашагала по Лесу.

Солнце золотило верхушки деревьев. Пахло травой, нагретой смолой и медом. Жужжали поздние мухи, ползали деловитые муравьи, где-то сверху стучал дятел. Я наслаждалась каждым шагом и каждым вдохом. Лес меня не разочаровал, а только подогрел желание познакомиться с ним поближе.

А потом передо мной выросла стена молодых осинок. Я озадаченно остановилась – она не встречалась мне по пути к ели-шатру. Ноги завели меня куда-то не туда? Или крутит леший?

От сестер я знала, что делать в таком случае – надеть сарафан наизнанку или поделиться с лешим едой. Я решила сделать и то, и другое – передела сарафан, положила на землю кусок хлеба и прислушалась заново – может, теперь я услышу голоса?

И до меня действительно что-то донеслось – то ли крик, то ли плач. Я аукнула в ответ, и звук, кажется, стал громче. Ноги неохотно побрели туда, откуда доносился голос. Мне понравилось в Лесу и было немного жаль, что скоро придется из него уходить. А если учесть все нарушенные мною обещания, то очень может быть, что мама не пустит меня сюда еще год, не меньше.

Перед глазами все расплылось, и по щекам покатались крупные соленые капли.

– Эй! – недовольно произнес кто-то. – Это я должен плакать, а не ты.

Я поспешно протерла глаза и с удивлением увидела перед собой... кого-то. Ростом с трехлетнего ребенка, лохматого, бородатого, с прозеленью в волосах и странной коричневой одежде, как будто из коры. Он сидел на земле и безуспешно пытался раскрыть капкан, в который попала его нога.

– Ну помоги же мне! – проворчал кто-то. Я торопливо присела и со всех своих сил нажала на пружину капкана. Вместе нам удалось его открыть, и кто-то, с отвращением глядя на опасную железку, отполз в сторону, волоча ногу.

– Я перевяжу, – предложила я, решительно содрала с головы платочек и наложила повязку на ранку, из которой сочилась... нет, не кровь, а полупрозрачная смолистая жидкость. Кто-то с любопытством оглядел меня.

– А ты вообще кто? – поинтересовался он.

– Княжна, – со вздохом ответила я. – Седьмая дочь князя Всеслава.

По Лесу словно бы прошел порыв ветра – зашелестели березы, согнулась трава, полетели по воздуху пушинки. Замолкли птицы в вышине. Кажется, даже облака в небе замерли. Я даже смутилась, не понимая, что происходит. Кто-то с новым интересом рассматривал меня.

– А зовут тебя как, княжна?

– Златоцвета.

– Как длинно, – присвистнул кто-то. – Такая маленькая девочка и такое длинное имя.

– Я не маленькая! – возмутилась я. – Мне уже пять лет! Маленький – это мой брат Храбр, ему всего четыре!

– Ну раз пять лет, тогда да, ты уже большая, – хмыкнул кто-то. – Но все равно имя длинное. Я буду звать тебя Цветик.

Я неохотно встала.

– Мне домой пора. Только я заблудилась... наверное.

– Наклонись ко мне, – попросил кто-то. – Не бойся.

– Я и не боюсь, – отважно заявила я и присела перед кем-то. Он положил мне на лоб сухую шершавую руку и что-то прошептал. Мое тело словно бы засветилось изнутри на мгновение, а потом все пропало. Но теперь я точно знала, куда нужно идти, чтобы найти сестер. Мало того, могла с легкостью найти ту самую огромную ель, или ручей, или полянку с боровиками.

– Теперь ты никогда не заблудишься, – пообещал кто-то. Я вдруг догадалась, кто это.

– Дяденька, а ты... вы... леший?

– Нет, Цветик, – звонко рассмеялся кто-то. – С лешим я тебя потом познакомлю, если захочешь. Я лесной дух Чартогрый.

– Чарто... черто... я буду звать тебя Грый, – выдохнула я. – И я хочу познакомиться с лешим, если меня отпустят в Лес. Но постараюсь прийти как можно быстрее.

– Я найду тебя, Цветик, – пообещал Грый. – А теперь беги, твои сестры тебя давно ждут.

Они действительно ждали. Тревога в голосах зовущих меня близняшек Беляны и Дарины слышалась безошибочно. Сияна, старше меня всего на три года, захлебывалась в рыданиях, прислонившись к стволу березки. Ее пыталась утешить Лана, тоже утирающая слезы с лица. Только Милада с мрачным видом сидела на траве и крутила в руках пруттик, да Рада, вторая по старшинству, деловито чистила грибы, чтобы не терять зря времени.

– Ау-у-у! – робко отозвалась я и вышла на полянку.

– Злата!

– Златка! Где ты была, дрянь такая? – Милада вскочила и понеслась ко мне, угрожающе размахивая прутиком с явным намерением стегнуть меня. К счастью, ее ноги заплелись в густой траве, и первыми ко мне подбежали Беляна и Дарина.

– Златка, где ты была? Мы тебя звали и звали, даже голос охрип!

Мне хватало ума понять, что про Грыя рассказывать не стоит, поэтому я с гордостью вытянула вперед руки с кузовком, полным отборных боровичков.

– Я полянку нашла, тут недалеко, а там грибочки. Я собирала, собирала, увлеклась и ничего не слышала. А как корзинку набрала, то к вам вернулась, – бесхитростно поведала я сестрам.

– Ой какие боровички! – восхитились сестры. Подошедшая Милада, недовольно хмурясь, забрала у меня кузовок.

– Я понесу, тебе тяжело будет. Но больше не отходи от нас!

– Обязательно! – пообещала я. Милада, кажется, не очень поверила в мою искренность, но больше ничего не сказала, только вручила мне свою корзинку, почти пустую, и позвала остальных сестер.

– Златка нашлась, можно идти домой! И не говорите никому, что она убежала, а то мама расстроится.

Сестры неохотно согласились. Сияна колебалась дольше всех, она не переносила лжи даже в форме умолчания, но мамины слезы не нравились ей еще больше. По пути домой она крепко держала меня за руку, не отпуская и на шаг. А зря. Грибов, которые попадались мне и которых явно не видели сестры, хватило бы на еще одну большую корзинку.

Мама ждала нас за пределами частокола. Милада сразу же начала хвастаться тем, что мы нашли целую поляну отборных боровиков, а Рада уже почистила почти все собранное, а Беяна рассыпала половину мелких маслят, и пришлось их разыскивать в высокой траве... Мама кивала в ответ, но все ее внимание было обращено на меня. Она присела передо мной на корточки, пристально оглядывала, приглаживала растрепавшиеся волосы и, наконец, спросила:

– А почему на тебе сарафан наизнанку?

– Чтобы леший не запутал, – искренне ответила я. – Мне сестры рассказывали, что так и надо.

– А платочек твой где?

Я-то знала, где он, но говорить об этом не собиралась, поэтому наскоро стала придумывать, куда он мог деться.

– Да потеряла она его, – небрежно бросила Милада. – Маленькая растяпа. Мама, да посмотри, какие грибы – один к одному, все крепенькие, ни одного червивого.

– Очень красивые, дорогая, – отозвалась мама, даже не повернувшись к старшей дочери, и еще раз погладила меня по голове. Только сейчас из ее глаз начала исчезать тревога.

Вечером перед сном она пришла ко мне. Я напряглась, подумав, что Сияна все же рассказала маме про мой побег, но все обошлось.

– Тебе понравилось в лесу, Злата?

– Очень! – выдохнула я. – Там высокие-высокие деревья, и пахнет ягодами и медом, и я видела гнездышко в кустах, и... – и я прикусила язык, чтобы не проговориться про Грыя.

– Что еще, милая? – улыбнулась мама.

– И я нашла боровик и много мухоморов, и они такие красивые! Мама, а ты отпустишь меня в Лес завтра? Не одну, с няней.

– Посмотрим, – уклончиво проговорила мама.

Утром я была уже не так уверена, что Грый не приснился мне, но Лес все еще манил и притягивал к себе. Не выдержав моего нытья, мама отправила меня за шишками, строго наказав няне оставаться на опушке и следить за мной не смыкая глаз. Я, в свою очередь, пообещала слушаться и вообще примерно себя вести. Мы дошли до Леса, няня удобно устроилась под деревом и затянула длинную тягучую песню, которых она знала бесконечно много. Я бродила вокруг и собирала в корзинку шишки для растопки, всем своим видом выражая покорность и желание следовать обещанию.

А потом произошло то, чего и следовало ожидать: няню, уже немолодую тетюшку, размогло на позднелетнем солнышке, и она задремала. Она могла проспять и до полудня, но скорее

всего, столько времени у меня нет, и терять его явно не стоило. Я поставила корзинку на землю и со всех ног понеслась к тому месту, где вчера видела Грыя.

И никого не нашла. Нет, я не могла ошибиться – вот тут он сидел, а вот и капкан, из которого мы вчера высвобождали его ногу.

– Грый! – на всякий случай позвала я, но в ответ услышала только шелест листвы. Прикусив от огорчения губу, я решила хотя бы убрать капкан, чтобы больше никто в него не попал – ни зверь, ни лесной дух. Неподалеку нашлась подходящая ямка, вот только веревка, которой железная смерть была привязана к дереву, мне никак не поддавалась. Я сопела и пыхла, пытаюсь развязать крепкий узел, пока не услышала за спиной звонкий голос:

– Цветик, ты что здесь делаешь?

– Хочу веревку развязать, – буркнула я и осознала, с кем разговариваю. – Грый! А я тебя не нашла и расстроилась.

– Я же сказал, что сам тебя найду, – наставительно проговорил лесной дух. – Отойди-ка...

Он положил на неподдающийся узел коричневую шершавую руку. Веревка задрожала, задержалась, и узел развязался сам собой.

– Ой! – восхищенно выдохнула я. – А как у тебя получилось?

– Веревка когда-то росла, – рассмеялся Грый. – А все, что растет, в лесу или поле, подвластно лесным духам.

– Я тоже так хочу, – вздохнула я, вспоминая, как путается у меня в руках пряжа и нитка никак не вдевается в иголку.

– Ты еще и не так сможешь, – загадочно протянул Грый. – А зачем тебе капкан?

– Спрятать хочу, чтобы никто больше не попался. Поможешь мне?

Вдвоем мы сбросили капкан в ямку и присыпали его землей и листьями, чтобы никто не нашел. Грый отряхнул руки.

– Ну что, идем к лешему?

– Нет, – расстроилась я. – Там няня... она проснется скоро.

– Не должна бы... – задумался Грый. – Но у нас еще будет сколько угодно времени, чтобы побродить по лесу.

– Правда? – обрадовалась я. – Я так люблю Лес!

– Правда, – усмехнулся лесной дух. – Беги к своей няне. После зимы тебя будут отпускать в Лес одну, тогда и познакомишься с лешим.

Я успела как раз вовремя. Няня только протирала глаза, а на полянке стояла корзинка, полностью заполненная шишками.

– Вот умница, Златочка, – рассыпалась в похвалах тетушка. – Мама будет тобой довольна и скажет – какая большая девочка у нее выросла.

До первого снега я при каждой возможности просилась в Лес – с сестрами, с няней, за грибами, клюквой, шишками и хворостом. Иногда удавалось сбежать от присматривающих за мной взрослых, и тогда меня находил Грый. Он обещал, что придет время, когда я смогу свободно бродить по Лесу, и я ему верила, потому что это было мое самое заветное желание. А зимой Лес уснул, как и все лесные духи. Мне оставалось только с тоской смотреть на снежные шапки на голых ветвях и мечтать о весеннем тепле.

Зато за зиму произошло много других событий. Вышла замуж и уехала в новую семью Милада. Заневестилась Рада. Вошли в девичий возраст Беяна и Дарина, подросли Сияна и Лана, а самое главное – у меня появились два новых брата, Ждан и Неждан. Мама все внимание уделяла младенцам, няня помогала ей, а за мной и Храбром должны были присматривать сестры. До того, как брата начнут воспитывать мужчины, оставалось больше года, энергичный боевой мальчик, весь в отца, доставлял значительно больше хлопот, чем тихая девочка, и так получилось, что я могла делать что хотела.

Едва дождавшись тепла и появления молодой травы, я выскользнула за ворота и побежала в Лес, надеясь, что Грый уже не спит. Не спал. Он ждал меня на нашем месте и так же обрадовался моему появлению, как и я – его. В первый день мы только немного побродили по лесу – мое отсутствие могли заметить. Все обошлось. Никто меня не искал, никто не ругал за побег, и назавтра я вновь удрала в наполненный свежестью и первоцветами Лес.

К лету я уходила уже на весь день, прихватив с собой ломоть хлеба и кусок сыра. Грый показал мне самые красивые места Леса. Болотница скрипучим голосом рассказывала мне длинные запутанные истории без начала и конца. На Русалочьей неделе я болтала и хихикала с русалками. Леший поил меня травяным отваром и подсовывал медовые соты, а лешачиха умиленно смотрела на нас, присев рядом на пенек.

Я принимала все как должное – и то, что птички клюют у меня с ладони хлебные крошки, и то, что белки делятся орехами, и то, что пугливая косуля безбоязненно тычется мокрым носом мне в лицо.

Хищники не проявляли ко мне агрессии. Собирая как-то раз малину, я столкнулась с медведем, занимавшимся тем же самым, и не успела даже испугаться. Огромный зверь, который мог завалить меня одним ударом лапы, смущенно опустил голову и, пятясь, удрал. Волк, с которым я столкнулась поздней осенью, по-собачьи завилял хвостом и начал ластиться. Самое удивительное – то, что меня избегали комары и оводы.

На мои вопросы Грый всегда говорил одно и то же: я люблю Лес, и он отвечает мне тем же.

Дома, разумеется, в конце концов заметили отлучки младшей дочери. Мама не очень радовалась, но маленькие братья не давали ей времени как следует отругать меня. К тому же я всегда возвращалась из Леса с полными корзинами ягод или грибов. А как иначе, если мне помогали их собирать лесные жители? Маме пришлось смириться, тем более что отец не стал запрещать мне походы в лес. Правда, и не поощрял.

Год шел за годом. Я все больше и больше времени проводила в Лесу и стала там своей. Я перевязывала лапы зверюшкам и доставала из них колючки, возвращала в гнезда выпавших птенцов, плела венки с русалками, играла в «шишки и камни» с лешим, а с лешачихой обсуждала узоры на праздничных рубахах. Мне все меньше и меньше хотелось возвращаться домой по вечерам, а зимой на меня накатывала сонливость и тоска.

Войдя в девичий возраст, я стала иногда ночевать в Лесу. Маме это сильно не нравилось, но у меня всегда находились оправдания. Например, то, что некоторые травы нужно собирать только на рассвете, пока они не покрылись росой, а в самые короткие ночи возвращаться домой нет никакого смысла. Но я никому не рассказывала настоящую причину своих ночевок вне дома.

Лес становился совсем другим – таинственным, непостижимым, но все таким же приятательным. Пение дневных птиц сменялось криками козодоев и уханьем сов, выбирались наружу ночные хищники, вылезали из темных местечек не терпящие солнечного света лесные духи.

Быстролетная летняя ночь принимала меня в свои объятия. Загорались на высоком небе яркие звезды, весело подмигивающие тем, кто их видит. Выползала из-за крон деревьев серебряная луна, и в ее призрачном свете привычные, хорошо знакомые мне пейзажи становились похожи на волшебную сказку.

Шелест листвы, шорох травы, журчание воды, свирели цикад сливались вместе и превращались в мягкий мужской голос, шепчущий мне нечто невыразимо желанное. Невидимые пальцы ласково касались лба, щек, перебирали длинные пряди волос. В груди зарождалось незнакомое, но приятное томление. Я каждый раз, не в силах сдержаться, поворачивалась и пыталась увидеть в лунном свете того, кто ласкал меня, но безуспешно. Лес шептал: «Еще не время», моего лба касались незримые теплые губы, и все исчезало.

Не навсегда. До следующей ночи, которую я проводила на берегу лесной речки.

Пришла моя шестнадцатая весна, и все изменилось. Старшие сестры вышли замуж и покинули родной дом, братья жили на мужской половине и обещали стать сильными и статными юношами. Мама начала готовить меня к семейной жизни, обучая ведению домашнего хозяйства. Обычно девочки постигали эту науку гораздо раньше, но я почти всю свою жизнь провела в Лесу и совершенно не хотела учиться готовить, подсчитывать запасы и запоминать, в какой день года нельзя ткать, а в какой – выходить из дома беременным.

Мало того, во мне все сильнее крепло желание никогда не выходить замуж и покидать родной дом. Нет, родной Лес. Я не могла себе представить, что уеду куда-то с незнакомым мужчиной, в чужие места и никогда больше не встретиться с Грыем, не сыграть с лешим в «шишки и камни» и не посмеяться с русалками. Одна мысль об этом сжимала сердце и вызвала слезы на глазах.

В Праздник Лета мама отправила меня вместе со всеми девушками пускать венки по реке. Кто-то рядом со мной смеялся от радости, кто-то не скрывал горьких слез. Я же не могла пошевелиться, в ужасе глядя, как уплывает вдаль мой венок, предвещающий скорое замужество. Этого не могло быть. Просто не могло быть.

– Злата, ты почему стоишь? – подтолкнула меня одна из девушек. – Радоваться нужно! Скоро и твое время придет, девочка!

Ее слова падали на мою душу как тяжелые камни, но в то же время сняли оцепенение. Я сорвалась с места и убежала как можно дальше от ярких костров и веселящихся людей. Ноги неслись сами собой, глаза, залитые слезами, ничего не видели в ночной тьме, но Лес продолжал оберегать меня, не давая упасть или столкнуться с деревом.

Я обнаружила себя в зарослях папоротника, упавшей на колени и отчаянно рыдающей. Прямо передо мной покачивалась на ветру сияющая ярко-фиолетовая звезда – тот самый цветок, который расцветает только раз в году и исполняет желание. Я взяла его в обе ладони и прошептала самое сильное, самое заветное свое желание – остаться в Лесу навсегда.

– Цветик, что с тобой? – встревоженно поинтересовался голос за спиной. Я только покачала головой, стирая слезы с лица.

– Цветик? – еще сильнее обеспокоился Грый. – Кто тебя обидел? Да я... да мы все ему...

– Никто, Грый, – всхлипнула я. – Просто мой венок уплыл.

– Венок? – озадаченно переспросил он. – А что... Ах да! И ты поэтому плачешь?

– Я не хочу уезжать отсюда, – объяснила я.

– А почему тебе обязательно нужно уезжать?

– Потому что отец не выдаст меня замуж за местного парня. Он подыщет кого-то высокого положения, чтобы создать нужные политические связи, а это означает, что меня увезут куда-то далеко, так как в соседних княжествах нет неженатых княжичей.

Мы оба замолчали. Я угрюмо смотрела на цветок папоротника в ладонях и отвлеченно думала, что шелест листвы березы надо мной сильно напоминает шепот. А возможно, и не просто напоминает, потому что Грый внезапно подскочил на месте.

– Цветик, я знаю, что делать! Идем!

– Куда?

– К кикиморе. Попросим ее показать тебе твоего будущего мужа. А вдруг он тебе понравится, и ты не будешь так переживать?

У меня имелись большие сомнения по этому поводу, но в сидении на одном месте и бесплодных рыданиях смысла содержалось еще меньше.

– Пойдем, – вздохнула я и встала.

Кикимора, тщедушная горбатая старушка с длинными руками-прутиками и редкими серо-зелеными волосами, внимательно выслушала Грыя и кивнула.

– Садись, девонька, – неожиданно певучим голосом проговорила она. – Смотри в туман.

– Какой туман? – удивилась я, послушно опускаясь на траву.

– Сейчас все будет. Ты, главное, смотри.

Порыв резкого холодного ветра взвихрил воду в бочаге и ударил мне в лицо. Я не упала только потому, что сзади меня поддержали теплые сильные руки.

– Смотри и не оборачивайся! – приказала кикимора. А я и так не могла отвести глаз от поднимающихся над черной водой туманных лент, скручивающихся и сплетающихся в плотный клубок. В нем формировалась фигура человека. Мужчины. Крепкого и широкоплечего. В хорошей, добротной зеленой одежде. С волосами, в которых будто бы поселилось солнце. На вид не старого, но в глазах цвета молодой травы читалась многовековая мудрость. Невероятно притягательного.

Не отдавая себе отчет, я вытянула руку, пытаясь коснуться моего... суженого? И тут же отдернула ее. Нет. Я не хочу никого и ничего, кроме Леса, пусть даже судьбой мне предназначен такой муж.

За спиной кто-то коротко рассмеялся, порыв ветра раздул туман, и зашелестели ветви осины.

– Цветик, слушай меня, – серьезно проговорил Грый. – Тебе нужно сказать родителям, что ты согласна выйти замуж...

– Я не хочу замуж! – возмущенно перебила я его.

– Скажи родителям, что согласна выйти замуж только за того, кто достоин тебя и победит всех претендентов, – сурово закончил лесной дух. – Настаивай на этом, пока они не согласятся.

– А потом что? – мой голос задрожал. – Мне придется уехать с каким-нибудь огромным мускулистым нелюдом?

– Сделай так, как сказано, и все будет хорошо. Ты же веришь мне?

Я готова была поклясться, что эти слова произнес не Грый, а тот нежный и ласковый голос, который шептал мне по ночам.

– Да.

– Вот и отлично, – заявил Грый, вскакивая на ноги и подавая мне руку. – Возвращайся домой. Уже светает.

Мама ждала в моей светелке. Похоже, ей уже рассказали о результатах гадания, потому что она сорвалась с места, как только я открыла дверь, и крепко обняла меня.

– Злата, девочка моя, как хорошо! У тебя будет настоящая жизнь, с мужем, детьми и домом! Отец сегодня же отправит гонца к тому, кого посчитает самым лучшим мужем для тебя, и...

– Мама, я не хочу замуж...

– Златоцвета! – Она выпрямилась, став, казалось, выше ростом, и уперла руки в бедра. – Ты не простая деревенская девица, а дочь князя! Ты должна понимать, что замужество — способ не устроить свою судьбу, а заключить выгодный союз.

– Мама...

– Замолчи, Злата! Я устала от твоих капризов! Отцу следовало давно наставить тебя на правильный путь, а не поощрять прогулки по лесу! Девушка должна думать о будущем, уметь вести дом и хозяйство, а ты?! Посмотри на себя, как ты выглядишь?! Пятна на сарафане, покрасневшие глаза, грязь на лице! Ты похожа на бродяжку, а не на дочь князя!

Мама распекала меня с такой яростью, что на шум пришел отец.

– Что такое, Ясна!

– Что такое? – напустилась она на него. – Посмотри на свою дочь! Это все результат твоего воспитания и потворства ее капризам! И не надо говорить мне об обете! Это все глупости! Бабкины сказки!

– Злата, в чем дело? – сурово посмотрел на меня отец.

– Я только пытаюсь сказать маме, что не хочу выходить замуж... – Мама набрала воздуха в грудь, но отец жестом заставил ее промолчать и дать мне закончить, -... за первого попав-

шегося. Он может оказаться кривым, хилым или хромым. Внуки Всеслава Драговича должны быть здоровыми и красивыми. Я хочу выйти за мужчину, который доблестью докажет, что может стать моим мужем.

– И что ты предлагаешь – прищурился отец.

– Поединки между претендентами. Тот, кто победит всех, и станет моим мужем.

– Вот видишь, Ясна, – довольно усмехнулся в бороду отец, – Злата совсем не такая, как ты считаешь. Девочка права. Сегодня же я отправлю гонцов, и в день твоего шестнадцатилетия мы устроим праздник, который закончится свадьбой.

Он потрепал меня по щеке и, довольно насмешливая, ушел. Я озадаченно повернулась к маме.

– Что за обет? Ты никогда мне не говорила про него.

– Потому что это вздор! Нет никакого обета! Переоденься и умойся, Злата. У нас много дел.

Но любопытство не давало мне покоя, и, переодевшись, я нашла тетюшку, все еще мирно дремавшую. Сонная нянюшка никак не могла взять в толк, что от нее хотят, но, окончательно проснувшись, выглянула за дверь, проверяя, нет ли там кого, и плотно закрыла ее.

– Твоя мать не любит, когда об этом вспоминают, – таинственным шепотом заговорила она, – но я всегда считала, что тебе стоит знать.

– О чем знать?

– Когда ты родилась, твой отец охотился, и гонец с известием о рождении седьмой дочери нашел его в лесной чаще. Всеслав, прямо скажем, не обрадовался, сорвал с головы шапку, ударил ею о землю и сказал: «Я готов отдать эту дочь Лесу, лишь бы у меня наконец родился сын». Те, кто был с ним тогда, рассказывали, что земля дрогнула, качнулись деревья, а порыв ветра чуть не сорвал с них шапки. А через год родился Храбр...

Тетюшка замолчала, искоса глядя на меня. Я прижала к раскрасневшимся щекам ладони и от потрясения потеряла дар речи. Так отец не был рад моему рождению настолько, что хотел обменять меня на наследника? И моя тяга к Лесу появилась не на пустом месте? И то, что я хочу навсегда остаться здесь – исполнение обета, данного отцом?

На глазах появились слезы. Тетюшка заволновалась:

– Что ты, что ты, голубка? Лес – это не зверь, не дух и не человек, ему не нужна жертва. Все у тебя будет хорошо, милая. Выйдешь замуж, уедешь с мужем в его края, и никто и не вспомнит про этот обет. Да и не обет это, а так, слова, сказанные сгоряча. Всеслав тебя любит, как и остальных своих детей.

– Злата, ты здесь? – заглянула в каморку тетюшки мама. – Идем. У нас много дел.

В Лес мне ходить запретили. Мама усадила меня шить свадебный наряд и приданое, придав в помощь двух девушек. Я не хотела ни наряда, ни приданого, ни свадьбы и подготовки к ней, но и не заикалась об этом, опасаясь нарваться на очередную отповедь. Учитывая мое невеликое владение иглой, дело шло медленно и печально, под постоянные смешки девушек и их оживленное перешептывание. Через несколько дней мама осмотрела едва начатую рубашку, пришла в ужас, помянув отца и мои «капризы», и взяла все в свои руки.

Теперь она указывала нам, что делать, и контролировала процесс, а сама в это время вываливала на мою голову кучу бесценной информации. Бесценной для той, кто действительно хотел стать безупречной хозяйкой большого дома. Ко мне это, разумеется, не относилось.

С разбухшей от сведений головой я падала на кровать, с тоской глядя в окно на кроны деревьев, в которых шумел ветер, и страстно хотела оказаться сейчас в Лесу. Первое потрясение давно прошло. Обет дал отец или же просто расстроился, что не родился мальчик – неважно. Я любила Лес, и он отвечал мне тем же. Слова тетюшки про жертву не имели смысла – и Лес, и его обитатели принимали меня как свою. Теперь стало понятно, почему ластились ко мне хищники и облетали стороной комары.

И Лес открыл мне далеко не все тайны. Кто-то же обнимал меня по ночам и шептал на ухо нежности. Кто-то сказал мне верить ему. Кто-то говорил, что еще не пришло время увидеть его. Так когда же оно придет?

Накануне свадьбы я украдкой выскользнула из дома и, прячась в ночных тенях, пробралась к воротам. Предполагаемые женихи уже съехались, заняв своими шатрами все поле за частоколом. Горели костры, бродили вокруг них люди, кто-то брался, кто-то, напротив, волком смотрел на соперников. Мне не было до них дела. Главное – то, что отец выставил около ворот двойную охрану, которая ни под каким видом не выпустит меня. Их нужно как-то отвлечь.

Спрятавшись за кустом боярышника, я лихорадочно придумывала, как бы это сделать. Бросить камень – можно и стрелу получить в грудь. Позвать – так отойдет в лучшем случае один, остальные останутся. А что еще?

У моих ног пискнуло. Семейка лесных мышей, живущих под корнями боярышника, предложила свою помощь, которую я с восторгом приняла и, чуть высунувшись из-за куста, стала следить за дозором. Прошло совсем немного времени, как все суровые воины побросали копья и, извиваясь и хлопая себя руками по телу, начали выгонять пробравшихся им под одежду мышей. На ворота никто уже не обращал внимания, и я беспрепятственно выскользнула за них.

Ночной Лес гостеприимно раскрыл мне объятия. Он шептал листвой, что соскучился, приветственно протягивал ветви, ухал филином и ластился рысью. Я пришла на свое любимое место на берегу реки, села, подтянув колени к подбородку, и погрузилась в ожидание. Что-то подсказывало мне, что недолгое.

Он пришел почти сразу. Сел чуть позади, обнял за плечи, убрал выбившуюся прядь из косы за ухо.

– Ты не поверила мне? Я же сказал, что все будет хорошо.

– Я верю. Очень хочу верить. Но...

– Но боишься?

– Да.

– Что мне сделать, чтобы ты не боялась?

– Покажись мне, – предложила я, шалея от собственной храбрости.

– А вдруг я окажусь горбатым, лохматым, кривоногим стариком с бородавкой на носу? – усмехнулся голос.

– А разве ты не похож на того, кого показала мне кикимора в тумане? – растерялась я.

– А должен? Может быть, ты видела одного из тех, кто сейчас спит в шатре на поле?

– Ну и пусть! – не сдавалась я. – Я все равно люблю тебя.

– А ты знаешь, кто я?

– Лес, – выдохнула я.

– Почти угадала. Я Князь Леса.

– Лесной дух? – удивилась я, до этой поры не представляя себе, что у Леса тоже может быть князь.

– Нет. Лесные духи подчиняются мне, как крестьяне – твоему отцу. Не оборачивайся, Цветик. Иначе мне придется уйти, а я этого не хочу.

– Но почему мне нельзя тебя увидеть?

– Потому что не пришло время.

– И когда оно придет?

– Когда тебе исполнится шестнадцать.

– Так это уже завтра! Нет, сегодня, полночь уже прошла!

Я попыталась повернуться, но сильные руки мягко придержали меня за плечи.

– Нет, Цветик. Ты родилась в полдень, и раньше этого времени я не могу тебе показаться. Осталось подождать совсем немного, и лучше всего не мучиться от неизвестности, а поспать. Сегодня у тебя трудный день.

Я послушно легла на траву, ни секунды не сомневаясь, что не смогу уснуть, и, только закрыв глаза, провалилась в глухую темноту.

– Цветик! Цветик, просыпайся. Солнце уже взошло.

Я испуганно продрала глаза и осознала, что Князь Леса прав. Солнце не просто взошло, но и успело подняться довольно высоко, а значит, мама уже вне себя от гнева.

– Я помогу вернуться домой. Только закрой глаза и, пожалуйста, не подсматривай. Потерпи совсем немного.

Мне на виски легли теплые ладони. По телу, с головы до пят, прошла горячая волна, от которой на мгновение перехватило дыхание и пропустило удар сердце. Моих губ коснулись чужие – нежные, ласковые, вызвавшие не менее сильное впечатление.

– Я не мог с собой справиться, – виноватым тоном проговорил Князь. – Открывай глаза. Теперь тебя никто не увидит до тех пор, пока ты сама этого не захочешь.

– Но я себя вижу.

– И я тебя тоже. Но никто из людей не увидит, пока ты мысленно не разрешишь им. Беги, Цветик. Мы скоро увидимся.

Я все же старалась держаться в тени, пробираясь по опушке Леса к частоколу. Но Князь Леса оказался прав. Никто не заметил, как я прошла в ворота вместе с гурьбой весело гомоющих слуг кого-то из приехавших женихов.

Мама, разумеется, металась по дому в поисках меня, гоняя девушек и тетюшек. обогнула дом, мысленно пожелала стать видимой и подошла к крыльцу не со стороны ворот.

– Злата! Где ты была?!

– В святилище. Просила благословения у Макоши, – потупив глаза, ответила я. Мама немного смягчилась.

– Быстро переодевайся. Скоро начнутся поединки, и ты должна быть готова. Малка, Грида, помогите ей.

В рекордное время на меня натянули свадебный наряд, расплели косу и заплели вместо одной две – к вечеру я буду уже замужней. Голову прикрыли полупрозрачным платком – его снимет уже жених. Дали кусок хлеба, чашку молока, еле дождались, когда я все съем и выпью, и выпихнули под придирчивые очи мамы. Наскоро оценив мой внешний вид, она, в свою очередь, вывела меня на крыльцо, где уже поставили три стула с высокими спинками и подлокотниками. Вышедший отец занял центральный, мама села справа от него, я – слева.

Перед домом большим полукругом собирался народ. В первом ряду стояли претенденты на мою руку, за ними – их свиты, а уже дальше местные жители, среди которых преобладали мужчины и дети. Женщины готовили еду к предстоящей свадьбе и накрывали длинный стол под навесом.

«Женихи» по одному начали подходить к крыльцу и представляться.

– Весемил, сын Блуда.

– Громобой, сын Злобыни.

– Орлик, сын Крива...

Все разные, непохожие друг на друга: высокие, среднего роста, худые и жилистые, массивные и мускулистые, с темными, светлыми и рыжими волосами. Но никто из них не походил на того, кого я видела в туманном клубке. Но даже если допустить, что кикимора показала не Князя Леса – голос-то его мне знаком, и я могла поклясться, что он не принадлежал никому из приехавших.

– Бирюк, сын Молчана, – прогремел голос последнего, шестнадцатого претендента. Я вздрогнула – настолько непривлекательным показался мне этот «жених». Вообще говоря, он

внушал страх, а не нежные чувства: выше меня не меньше чем на голову, с огромными мускулами, на которые не налезет ни одна рубаха, и поэтому Бирюк явился в едва ли не лопающейся на груди кожаной жилетке, с мохнатыми бровями, нависшими над крохотными свиными глазками, со шрамом через всю щеку и абсолютно лысый. Кажется, даже мама не пришла в восторг от перспективы заполучить такого зятя. Отец крикнул и встал.

– Я приветствую вас, добры молодцы! Сильнейший из вас получит руку моей дочери Златоцветы. Да начнется бой!

Претендентов начал обходить мальчик с шапкой, из которой каждый вытаскивал камешек. По его цвету определялся партнер в первом туре. Восемь победивших попадали во второй, четверо следующих – в третий, и в последнем определялся мой будущий муж. В толпе мужики начали биться об заклад, ставя на того, кто станет седьмым зятем князя Всеслава. Судя по доносившимся до меня возгласам, победить должен был Бирюк.

Сердце противно сжалось от предчувствия нехорошего. Я не выйду за Бирюка ни при каких обстоятельствах. Пусть он победит всех, включая отца и лучших его воинов, в жены он меня не получит! Я скорее убью себя на глазах у всех, чем уеду с ним.

– Цветик, не волнуйся так.

Грый сидел на перилах крыльца возле меня и привычно ухмылялся.

– Ты что! Тебя же увидеть могут! – испуганно прошептала я.

– Меня видишь только ты, – успокоительно проговорил лесной дух. – И я тут с важной задачей: подбодрить тебя и передать – не бойся. Все будет хорошо. Только верь ему.

– А ему можно верить, Грый? – жалобно вырвалось из меня.

– Можно, – веско заверил меня дух. – Ой, смотри, начинается!

На круг уже выходили первые бойцы, и воевода, назначенный отцом следить за порядком, оглашал правила: бой идет до того, пока один из претендентов не признает себя побежденным. Любое оружие запрещено. Нельзя бить в пах, горло и глаза. Нарушивший правила считается проигравшим.

Воевода дал отмашку к первому бою.

Несхожесть претендентов наложила отпечаток и на поединки. Одни продолжались недолго за явным преимуществом одного из бойцов, другие длились долго, и победившим становился тот, кто смог дольше выстоять на ногах и не упасть. Проигравших в таких случаях обливали колодезной водой, чтобы привести в себя. Бирюк справился со своим соперником за считанные мгновения – тот упал ничком от первого же удара и больше не поднимался. Его оттащили за ноги в тень и долго приводили в себя. Бирюк же после победы долго тряс в воздухе огромным кулаком и рычал по-медвежьи.

Грый весьма увлеченно следил за действием и комментировал каждый бой. Я очень боялась, что его в конце концов услышат, но на радостные возгласы: «Дай ему! Вот так! Ну куда ты бьешь, там же голова, а в нее едят!» никто не реагировал. Я сама силой заставляла себя следить за происходящим, и нехорошие предчувствия все больше овладевали мной.

После окончания первого тура сделали перерыв – подкрепить силы и заново распределить пары соперников.

– Тебе кто-нибудь приглянулся, Злата? – наклонился ко мне довольный отец. Я деланно смущенно отвела взгляд, скрывая ужас в глазах.

– Моим мужем станет победитель, отец.

– Хорошо сказано, Злата. Ты будешь настоящей княгиней, – удовлетворенно кивнул он.

Второй тур принес мне еще больше нервозности. Полдень давно миновал, но никого, хоть отдаленно напоминающего Князя Леса, в поле зрения не наблюдалось. Конечно, он мог и скрываться, но как тогда будет спасать меня от замужества с Бирюком? А к этому все шло. На него ставили больше и больше, и его вторую мгновенную победу встретил радостный вопль зрителей. Кое-кто рычал вместе с бойцом.

Бирюк ожидаемо вышел в последний тур вместе с Громобоем, приблизительно таким же массивным претендентом. Тут заволновалась даже мама.

– Всеслав, ты уверен, что любой из них будет подходящим мужем для Златы?

– Конечно, – уверенно заявил отец. – Только подумай, какие у нее родятся сыновья!

Я сжимала подлокотники так, что побелели пальцы, а исходящую от меня тревогу ощутил и Грый.

– Цветик, ты что? – он положил свою ладошку на мою руку. – Не бойся. Все будет хорошо, он же сказал. Просто наслаждайся происходящим. Вряд ли ты еще раз увидишь такие оленьи бои.

Легче мне не стало. И сердце совсем оледенело, когда после долгого, тяжелого поединка, сопровождающегося бурными выкриками из толпы, Бирюк нанес последний удар и взревел, вздевая кулак в воздух. Вместе с ним взревели и зрители. Тяжелыми шагами победитель подошел к крыльцу, пронизывая меня буравящим неприятным взглядом.

Отец встал.

– Мужем Златоцветы стал...

– Прошу прощения, пресветлый князь, – раздался голос. Отец от неожиданности замолчал. Люди начали оборачиваться в поисках наглеца, осмелившегося перебить князя. Я еле сдержалась, чтобы не вскочить с места.

– Тихо, Цветик! – предупреждающе схватил меня за руку Грый.

Я узнала этот голос. И узнала мужчину, который неторопливо шел к крыльцу. Высокого, статного, золотоволосого, с глазами цвета молодой травы. Он шептал ночью на ухо. Он просил верить ему. Его я видела в тумане на болоте. Правда, черты его лица скрывала легкая дымка, но сомнений у меня не оставалось – Князь Леса все-таки пришел за мной.

– Мужем Златоцветы должен стать самый сильный из всех претендентов на ее руку?

– Да, – непонимающе подтвердил отец.

– Тогда, пресветлый князь, есть некоторая неувязка – на руку вашей дочери по-прежнему претендуют двое мужчин.

– Уж не ты ли? – набычившись, прорычал Бирюк. Князь Леса легко усмехнулся, словно бы не замечая вздувшихся жил на лбу огромного мужчины перед ним.

– Да, я. Насколько я помню, ограничений ни на количество претендентов, ни на них самих не было.

– Да ты кто такой? – еще яростнее рявкнул Бирюк.

– Князь Полес, сын Дубровника.

Отец сел и нахмурился.

– Не помню такого. Вроде бы я не посылал к вам гонца, пресветлый князь.

– До меня дошли слухи о предстоящем замужестве Златоцветы, но, к сожалению, слишком поздно, поэтому я опоздал к началу. Но тем лучше, можно сразиться прямо с победителем, и тем самым выбрать лучшего.

– Да откуда ты взялся такой? – выходя из себя, прогремел Бирюк.

– Мое княжество находится недалеко отсюда, но знают о нем немногие, и еще меньше бывали там. Но уверяю, что оно не хуже вашего, пресветлый князь Всеслав.

Отец нахмурился еще сильнее и провел руками по бороде, как делал всегда в сильных раздумьях. Из толпы донеслось:

– Пусть борются! Нельзя нарушать правила! Пусть пробуют все!

Громче всех кричали проигравшиеся, которые надеялись отыграться на новом претенденте. Отец позвал воеводу.

– Некрас, что ты скажешь?

– Остаться должен один, – глубокомысленно заметил воевода. – Если их двое, пусть дерутся.

Зрители взвыли от удовольствия и тут же ринулись заново биться об заклад. Правда, на Бирюка по-прежнему ставили больше.

– Да я тебя в порошок сотру, – прорычал оскорбленный в лучших чувствах «жених». Князь Леса окинул его взглядом и скинул с себя рубашку.

– Чтобы быть в одинаковых условиях, – пояснил он толпе. Мужики приветствовали его решение, а некоторые начали перезаключать заклады.

– Цветик, сиди спокойно, – напомнил Грый. – Ты его в первый раз видишь, не забывай.

Я и не забывала. Образ в тумане, хотя и очень походил на настоящего Князя Леса, все же отличался от реального. Да и, фактически, мне до сих пор не удавалось хорошо его рассмотреть – мешала странная дымка, но вот остальные, кажется, ее не замечали.

– Начали, – крикнул воевода, давая отмашку. Бирюк с ревом кинулся на соперника, готовясь нанести свой любимый удар справа. И нанес, вот только его кулак вошел в соприкосновение не с лицом Полеса, а с воздухом. В последний момент Князь леса грациозным движением ускользнул в сторону и нанес собственный удар. Бирюк вновь взревел, на этот раз от боли, и замахнулся уже левой рукой.

С тем же эффектом. Он так и продолжал молотить кулаками воздух, а Князь Леса ловко уходил от смертельных ударов и сам бил в незащищенные места противника. Мощная неповоротливая фигура Бирюка не успевала реагировать на быстрые движения Полеса, и ветер то и дело относил за частокोल всплески возмущенного рычания.

Зрители затихли, полностью поглощенные происходящим. Отец, не отводя взгляда от поединка, пробормотал:

– Как он это делает? Первый раз вижу такую технику боя.

– Бьет по уязвимым местам. – пояснил мне Грый. – Князь мог бы покончить с Бирюком парочкой ударов по особенно критическим точкам, не затрагивая запрещенные, но играет с ним как кошка с мышкой.

– Почему? – выдохнула я.

– Потому что он посмел хотеть тебя, – хмыкнул лесной дух.

Бирюк тем временем потерял самообладание и пустил в ход не только кулаки, но и колени, попытавшись ударить Князя в пах. Это мгновенно заметил воевода.

– Стоять! – гаркнул он так, что с берез, возмущенно каркая, слетела стая испуганных ворон. – Запрещенный прием. Победа за Полесом, сыном Дубровника.

Бирюк, размахивая кулаками, ринулся уже на воеводу, но тут в дело вступили бойцы отца – им-то оружие никто не запрещал. На затылок нарушителя опустилось наверху булавы, он резко выдохнул и грузно упал на траву. Его оттащили за ноги так же, как и его жертв, в тенечек, но в чувство никто приводить не стал.

Князь леса надел поднесенную кем-то из зрителей рубашку и подошел к крыльцу. Я все еще никак не могла четко его рассмотреть, и, едва отдавая себе отчет в действиях, спустилась по ступенькам и подошла к нему.

– Ты не разочарована, Цветик? – негромко спросил Князь.

– Я не могу тебя увидеть, – пожаловалась я. – Ты обещал, что покажешься мне после полудня.

– Сначала твой отец должен отдать мне тебя, – вздохнул Полес. Я быстро развернулась к родителям.

– Отец, я говорила, что моим мужем станет победитель. Вот он. Я выйду замуж за Полеса, сына Дубровника.

Отец встал, поглаживая бороду.

– Полес, сын Дубровника, – медленно и важно начал он. – Ты сильнее всех претендентов на руку Златоцветы. Я отдаю свою дочь тебе. Будь ей хорошим мужем.

Порыв ветра согнул до земли ветви берез и яблонь. Содрогнулась земля. Плеснула вода в колодце. Я обернулась к Князю Леса.

– Теперь ты моя навсегда, – шепнул он и поднял платок с моего лица. Дымка исчезла. Я видела зеленые глаза, обещавшие мне все – и любовь, и нежность, и счастливую жизнь рядом с ним в месте, которое навсегда притянуло мое сердце. Видела золотые волосы, до которых так и хотелось дотронуться. Видела улыбку на мягких губах, умеющих шептать невыразимо желанные слова. В первый раз видела настоящего Князя Леса – и не хотела отводить взгляда.

– Горько! – заорал кто-то в толпе, и остальные поддержали его: – Ой как горько!

Губы Князя легко коснулись моих, и меня пронизало странное чувство. Я вынуждена была ухватиться за плечи мужа, чтобы не упасть, и он поддержал меня за талию. Чувство не уменьшилось, а только увеличилось. Я теснее прижалась к мужу, едва осознавая, что делаю.

Полес с неохотой оторвался от меня.

– Чартогрый, – негромко проговорил он. – Возвращайся в Лес. Скажи всем, что с этого дня у нас есть княгиня, и это та, которую все так ждали.

– Да, пресветлый Князь, – весело проверещал лесной дух и исчез.

– А теперь за свадебный пир! – провозгласил отец, спускаясь к нам. – Ты сделала хороший выбор, Злата. Мне нравится твой муж.

Он крепко пожал руку Полесу, похлопал его по плечу и первым отправился в сторону ломящегося от яств стола.

– Знал бы он, кто ты на самом деле, – улыбнулась я.

– Может быть, он и догадывается, но никому и никогда об этом не скажет.

Мы вынуждены были просидеть на свадебном пиру до заката, выдерживая любопытные взгляды девушек, подозрение в глазах мамы, восторги братьев, требующих обязательно научить их такому ведению боя, и многословные поздравления, заканчивающиеся обязательным возгласом «Горько!». Чем ниже опускалось солнце, тем соленее становились шутки, и близилось время, когда новобрачных начнут провожать на брачное ложе, чего мне всеми силами хотелось избежать.

– Хочешь уйти?

– Да! – я вложила в короткое слово все, что клубилось в душе.

– Просто мысленно скажи себе, что тебя никто больше не увидит. А я сделаю так, что они и не вспомнят о сбежавших новобрачных.

Никто не заметил, как приоткрылись, а потом закрылись ворота.

– Так ты с самого начала мог так сделать? – пораженно поинтересовалась я.

– Да.

– А почему не сделал?

– Мне казалось, ты хочешь настоящую свадьбу.

– Я хочу только одного – быть с тобой, – выдохнула я. Князь улыбнулся, коротко свистнул, и к нам выскочил огромный лось. Полес посадил меня на его спину, сел сам позади, и громадный зверь медленно направился в глубины Леса.

С тех пор в Лесу стали появляться золотые цветы. Среди местных жителей распространилось поверье: найти их – к удаче. Значит, тебе улыбнулась Княгиня Леса.

Мужчина в доме

День не задался с самого утра. Первое, что я увидела, протерев глаза – это нежившего на поставленном с вечера тесте (к счастью, прикрытом полотенцем) Баюна. Вырванный из сладкого сна моим возмущенным криком кот обиделся и одним прыжком с грохотом удрал в окно, попутно снеся ставню, давно держащуюся на одной петле и честном слове. Кадка, сброшенная могучими задними лапами, рухнула на пол и покатилась. Тесто уже приготовилось выйти погулять, но было остановлено и отправлено подходить заново.

Дальше – больше. При попытке наколоть дров с обуха слетел топор. Заложенные в печь отсыревшие от росы полешки шипели и отказывались загораться, а, когда пламя, наконец, занялось, выяснилось, что дымоход требует прочистки, или я рискую задохнуться в густых клубах. В довершение всего избушка, ковыряясь в земле, ушибла палец на левой ноге, вздрогнула, закрипела от боли и поджала ее под себя, в результате чего с полок посыпалась немудреная посуда, вторично рухнула многострадальная кадка и перекосилась дверь.

Вздохнув, я оглядела образовавшийся кавардак, заплела косу потуже и занялась делом. Прежде всего – поврежденная курья нога, поскольку в перекосившейся на один бок избушке убрать невозможно. И выйти из нее – тоже.

Благословляя подходящее сочетание ширины оконного проема и... хм... моего тела, я вылезла на мягкую изумрудную муравку (чудом не наступив на валяющуюся ставню). Избушка, жалобно скрипнув, вытянула в мою сторону трехпалую узловатую конечность, требуя лечения и ласки и получая и то и другое. Я смазала ушиб травяным бальзамом, перебинтовала чистой тряпицей и напоследок погладила жесткую кожу. Нога осторожно опустилась, ощупала то, что под нее попало, и расслабилась. Пол в избушке наконец-то принял привычный вид.

Солнце дотянулось до макушек соснового бора за рекой, когда я вытерла пот и удовлетворенно оглядела дом. Все стояло на местах, на столе остывали пирожки, дым бодро выходил из свежeproчищенной трубы, а Баюн вылизывался на лавке. Оставалось только поправить по-прежнему перекошенную дверь и навесить заново ставню, но с этим придется обождать: во-первых, я жутко устала и перепачкалась сажей, а во-вторых, для крупного ремонта требовались вещи, которых в хозяйстве не имелось. Например, сильный мужчина. Ну, или, на худой конец, столярные инструменты, у которых я не знала даже названий, не то что способ их применения.

Баюн лизнул лапу и принялся умывать морду.

– Гостей намываешь? – рассеянно поинтересовалась я. – Тогда сам их встречай. Я пошла купаться.

Холодная вода ласково приняла меня в свои объятия, смыла грязь и усталость и оставила нежиться. Длинные распущенные волосы плыли по течению, сплетаясь с лентами водорослей. Тело млело под солнечными лучами, распластавшись на поверхности воды. Мир и благолепие завладевали душой, стирая из памяти все утренние неприятности и перенося на неопределенное время необходимость появляться в деревне и каким-то образом объяснять, кто я такая и что именно мне надо для ремонта. А самое нехорошее, что потом потребуются уговаривать избушку и перемещаться в другое место, чтобы избавиться от надоедливых деревенских парней, а я тут уже прижилась.

– О мужчинах задумалась? – вынырнула из воды хорошенькая зеленоволосая головка.

– Нет, о жизни, – искренне ответила я. – Хотя можно сказать, что и о мужчинах.

– А я так и знала! – с гордостью заявила русалка, показываясь из воды по грудь. – Когда женщины думают о мужчинах, у них всегда такое выражение лица.

– Какое?

– А вот такое! Тоскливое!

– Рина... – вздохнула я. – Мне не нужен мужчина. Точнее, не в том смысле, в каком ты думаешь. Мне ремонт в избушке сделать надо...

Рина выслушала историю моих злоключений, нырнула, взмахнув серебристым хвостом, и, появившись опять, вынесла заключение:

– Путаешь ты все. Ремонт – это следствие того, что в жизни нет кого-то сильного и надежного. Появится он – и ставни слетать не станут, и двери нормально висеть, и дрова колотиться.

– Да где же их взять – сильных и надежных? – закручинилась я. – Один Баюн дома, и на него положиться нельзя, все норовит сметану слизать.

– Это точно, – кивнула Рина. – Только лешие вокруг да водяные, а от них толку – как от рака икры.

– Или от козла молока, – согласно кивнула я и брызнула на лицо водой, охлаждая разогретую на солнце кожу. – Пойду я. Пирожки, наверное, уже остыли.

– Иди, – ударила хвостом по воде Рина, поливая меня. – А если найдется сильный и надежный – не забывай про подружку!

Несмотря на пирожки, домой я не очень торопилась, поминутно отвлекаясь на алеющую в траве землянику. Листики можно заварить, ягоды съесть, а цветочками – полюбоваться. И только возникший передо мной сердито шипевший Баюн заставил забыть про все и встревоженно поспешить на родную полянку.

Кот не зря умывался. Перед избушкой стоял молодой, хорошо одетый молодой человек определенно мужского пола, ошарашенно смотрел на ее курьи ноги и озадаченно чесал под шапкой, видимо, вспоминая нужные слова.

– Вот! Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка грустно заскрипела. Она и прежде не желала лишний раз шевелиться, в теперь, с больной лапой – тем более.

– Эй, избушка! – продолжал настаивать гость. – Повернись...

– А здороваться вас не учили? – вкрадчиво полюбопытствовала я, появляясь из-за кустов. – Вежливости там, манерам...

– Ой! – нервно вздрогнул юноша и резко повернулся ко мне. – Зд... Доброе утро. Учили.

– День, скорее, – привычно оценила я высоту солнца. – А если учили, что же вы старость не уважаете? Видите же, у избушки лапа перевязана, больно ей поворачиваться. А вы мужчина сильный, молодой, можете и сами к входу подойти.

– Могу, – уже совсем другим тоном проговорил молодой человек. Хотя... не такой он и молодой. Не та юная поросль, только что обзаведшаяся пушком на подбородке и почему-то решившая, что это делает ее взрослой. В темных глазах мужчины светились ум и зрелость, а черты лица говорили о решительности и некоторой властности.

– Я пытался сначала позвать хозяев, но на мой крик никто не откликнулся, – пояснил гость. – Пришлось вспоминать детские сказки, а в них, кажется, примерно так и положено говорить.

– Понятно, – кивнула я. – А мне, соответственно, положено сначала напоить, накормить, в баньке попарить добра молодца, а потом спрашивать, какой леший его принес.

– Так ты... вы...

Добрый молодец замолчал, опять ошалело разглядывая меня. Я внутренне хихикала, потому что знала, что он видит: стройную высокую девушку, с огромными зелеными глазами и косой цвета осеннего леса толщиной в руку. Костяная нога, правда, могла скрываться под длинным сарафаном, но если у добра молодца не солома в голове, он видел, что я не хромаю.

– Баба-яга, – подсказала я, полностью насладившись неуверенностью гостя. – Что-то не устраивает? Не хватает выступающих клыков, крючковатого носа и кривой спины? Так приходи лет через двести, я как раз всем этим обзаведусь.

– Н-нет, – опомнился мужчина. – Просто... просто я считал, что баба-яга передвигается по лесу только на ступе, а не ходит босиком по лесу.

Значит, ножки заметил. И даже то, что они босые. Внимательный...

– Ступа развалилась давно, – пожаловалась я. – Приходится вот пешком передвигаться. Но что же это я гостя на пороге держу, в дом не приглашаю? Заходи, добрый молодец, да не обессуди, не в царские хоромы явился.

Перед тем, как забраться по шаткой лесенке в избушку, гость присел, погладил ушибленную курью ногу и вежливо поздоровался с избушкой. Я мысленно восхитилась: теперь она не только не будет буянить, пока он сидит внутри (как уже неоднократно случалось, и тогда незванные пришельцы удирали со всех ног, а один даже через окно, отчего ставня и висела на одной петле), а и шевелиться станет максимально плавно и аккуратно.

Баюн сидел на излюбленном месте и сверлил вошедшего янтарными глазами. Гость и тут не оплошал: не стал сюсюкать и тянуться погладить здоровую черную зверюгу, а церемонно пожал ему лапу и извинился, что без гостинца, поскольку не догадался прихватить его с собой, но в следующий раз обязательно принесет.

– Мя-я-ясо, – нахально потребовал Баюн.

– Договорились, – еще раз пожал ему лапу гость. О каком следующем разе он говорит? Все эти зашедшие на огонек царевичи вваливались в избушку, выкладывали свои нужды и требования, получали желаемое в первом случае, изгонялись с позором во втором, но больше никогда не являлись.

– Вот, добрый молодец, – протянула я ему вышитое полотенце. – Баньку, извини, затопить не могу: и баньки нет, и дрова кончились, и топор сломался, так что иди-ка ты на речку. Тут недалеко, по тропинке доберешься. Русалке полотенце покажешь и на словах передашь, что ты – мой гость, она и отстанет. А я пока на стол соберу.

Гость еще раз окинул меня ошалелым взглядом – и когда он придет в себя? Можно было уже и привыкнуть, что вместо ожидаемой старухи в избушке на курьих ножках проживает красна девица, но, в конце концов, все старухи когда-то были девицами, и эта проблема со временем пройдет сама собой – и, не задавая лишних вопросов, вымелся наружу, плечом саданув по опять застрявшей двери.

– Намыл гостя? – обернулась я к Баюну. – Вот теперь помогай его кормить. Тащи крынку со сметаной, и не лезь внутрь усатой мордой! Я тебе сама отложу.

Гость задерживался. Уже и самовар вскипел и пыхтел белым паром на столе, и дымилась горка румяных блинов, и остывшие, но все равно вкусные пирожки горкой возлежали на расписном блюде, и Баюн дочиста вылизал свою миску сметаны и нехорошо косился на плошку с ней же, предусмотрительно убранную в центр стола, а добрый молодец все не возвращался. Я уже начинала прикидывать, не пойти ли его спасать? Заскучавшая Рина могла и не посмотреть на полотенце, сразу утащив нежданного красавца на глубину. Как это я сказала? Красавца?

Ну да, его самого. Именно красавца: высокого, могучего и умного. Мечту любой женщины.

Дверь, радостно скрипнув, отворилась, и гость вновь появился на пороге, комкая шапку с соколиным пером в кулаке. Рубашка и кафтан были мокрыми – видимо, Рина все-таки расшалилась и напоследок окатила добра молодца с головы до ног. Черные как смоль волосы успели просохнуть и разлохматиться, а на губах играла виноватая улыбка.

– Садись к столу, гость дорогой, – привычно запела я, пододвигая ему табуретку. – Ешь, пей, а потом рассказывать будешь.

– Спасибо на добром слове, хозяйюшка, – вежливо поблагодарил гость и отказываться от еды не стал. Он умял четыре пирожка с яблоками, две ватрушки и несколько пышных блинов, как бы случайно оставив сметану на край стола. Миска тут же исчезла с моих глаз, а из-под лавки донеслось утробное мурлыканье:

– Мя-я-урси!

Я умиленно смотрела, как он ел, одновременно прикидывая, с какой проблемой гость явился. Причины появления гостей, собственно, новизной не отличались: или выполнить приказание невесты и добыть что-нибудь редкое (или вообще несуществующее), или умертвить страшной смертью недруга. Иногда, как совмещение этих двух, возникал третий вариант: спасти несчастную невесту от злобного недруга. Но мне как-то не верилось, что пришедший мужчина может выполнять чье-то бездарное желание и искать по всему свету аленький цветочек. Или же ему требуется помощь в убийстве Змея Горыныча: с таким мечом и такими руками он может скрутить в шпагат любую рептилию.

– Так что привело тебя сюда, добрый молодец? – не выдержала я напора любопытства, когда гость, кажется, наелся. Но его ответ поверг меня в глубокое удивление.

– Как тебя зовут?

Еще ни один гость не интересовался моим именем. В крайности они обращались ко мне как к «деве-яге», но, как правило, не утруждали себя и этим, принимаясь рассказывать о собственных проблемах.

– Я же должен как-то называть тебя, хозяйюшка, – пояснил мужчина. – Могу представиться первым, если так положено: Иван.

– Царевич? – автоматически отозвалась я.

– Нет, княжич. А это имеет значение?

– Никакого, – помотала я головой.

– Так как тебя зовут, хозяйюшка?

– Лса. *и*

– Лис? – переспросил он, напирая на последний слог. *а*

– Нет, Лса, с ударением на первый. *и*

– Лса... – повторил он, словно перекатывая мое имя на языке. Мне даже понравилось, как оно звучит – так звонко, как будто ручеек бежит по камешкам. *и*

– Благодарствую, Лиса, за хлеб-соль, за доброту твою, за то, что приняла меня, непутевого, – встал Иван, кланяясь мне в пол.

– Сядь! – рассмеялась я, силой усаживая его на место. – Сядь и рассказывай, что привело тебя в лесную глушь к бабе-яге.

– Честно говоря, я не специально шел сюда, – признался Иван. – Можно сказать, случайно зашел.

– Заблудился?

– Нет. Не совсем.

Я потратила много времени, но все-таки вытащила из гостя его историю, не подпадающую ни под второй, ни под третий варианты, и имеющую очень слабое отношение к первому.

Ивану требовалось жениться. Отец неудержимо старел, желал видеть внуков от наследника, но ни одна предлагаемая им невеста сына не устраивала: то косая, то рябая, то глупая, то толстая, то, наоборот, худая. В конце концов дряхлеющему князю привиделся сон, что на восходящем солнце его сын найдет нечто, открывающее ему дорогу к счастью. Утром, не успев Иван продрать глаза, ему вручили котомку, крепкие сапоги и отправили на восток.

– Я шел три дня по лесу, – бесхитростно признался Иван, – тщательно обходя все деревни, чтобы случайно не столкнуться с какой-нибудь девицей.

– И наткнулся на меня, – понимающе покивала я. – Так и быть, добрый молодец, помогу твоему горю.

– Слушай, я не имел в виду!.. – покраснел он, отшатываясь назад. Я недоумевающе посмотрела на него – и сама залилась густым румянцем, обиженно поясняя:

– Я тоже. Вообще-то ко мне приходят не в поисках невесты, а за магическими предметами, помогающими решать чужие проблемы. И твою решим. Ложись спать, утро вечера мудренее. Я на полатах постелила уже.

– А ты сама?

– А я – баба-яга, у меня ночью вся работа, – соврала я и торопливо выскользнула из дома.

Избушка составила лапы поближе, чтобы я могла угнездиться между ними, обхватить руками колени и задуматься – а что, собственно, происходит? Почему я удрала, хотя никогда прежде наличие добра молодца в хижине меня не смущало? Почему мне так нравится звук его голоса? Почему растрепанные волосы вызывают желание взять расческу и причесать их, бережно укладывая каждую прядь? Или Рина права, и я просто соскучилась по мужскому присутствию в своей жизни, так как последний царевич появлялся в ней почти год назад?

Мысли сонно ползали, сталкивались и путались. Глаза слипались. Пришедший с ночной прогулки Баюн невероятно удивился, увидев меня между лапами избушки, пристроился рядом и заурчал колыбельную.

Уже потом, во сне, я ощутила, как меня подняли с земли и унесли в избушку.

А утром ноздри защекотал аромат дыма и жареной рыбы.

Отбросив одеяло и спрыгнув на пол, я заторопилась к окну. Над небольшим костерком на прутиках жарились два крупных леща. Иван внимательно следил за ними, иногда поворачивая. Баюн сидел рядом и не сводил с них взгляда.

– Слушай, кот, ты же сожрал одну рыбину! – удивился добрый молодец.

– Ма-ало, – внятно сообщил кот. Я наскоро переплела косу и спустилась к мужчинам.

– Доброе утро. Иван, не обращай на него внимания. Баюн может сожрать все это, а потом потребовать добавки. Только кто же ему даст?

– Мра-ак, – прокомментировал кот, задрал хвост и царственно удалился к лапам избушки, где и залег, продолжая внимательно смотреть на рыбу.

– А откуда лещи? Или в комплектацию охотника за невестами входит и рыболовный крючок? – весело поинтересовалась я.

– Рина поделилась, – просто сообщил Иван.

Неприятное чувство царапнуло по сердцу – как-то слишком добра русалка к проезжему добру молодцу. Или это тоже действие из разряда «накорми, напои и подарками одари»?

С моей стороны раздача даров состоялась после завтрака.

– Вот, – протянула я Ивану моточек серых ниток. – Бросишь на землю и произнеси волшебные слова: «Покажи мне, клубочек, где суженая моя живет», и иди за ним.

– Полезная, должно быть, вещица, – пробормотал гость. – А как тебе его вернуть, Лиса?

Я опять отстраненно удивилась – обычно царевичи не заботились о возвращении волшебных артефактов, оставляя их себе, и приходилось наколдовывать новые.

– Найдешь невесту – опять брось на землю и скажи: «Возвращайся, откуда пришел». Клубочек сам ко мне прибежит.

– Вон оно как... – задумчиво проговорил Иван. – Ну что же, спасибо тебе, хозяйшка, за хлеб-соль, за приют, за ласку да за подарки. Не поминай лихом.

Он задумчиво посмотрел на клубочек в своей ладони и неловко поклонился.

– До свидания, Лиса.

– Прощай, Иван. Доброго пути.

Я еще долго смотрела в лес, куда ушел добрый молодец, чтобы никогда не возвращаться.

Никогда продлилось три дня.

Возвращаясь из леса с полным лукошком земляники, я издали услышала стук топора и заторопилась: это кто еще там осмелился хозяйничать или, того хуже, разбойничать в доме у бабы-яги?

Иван, раздевшись по пояс, с молодецким уханьем рубил дрова, складывая их в аккуратную поленницу.

– А как там поживает невеста? – только и смогла поинтересоваться я, прислоняясь к крыльцу – почему-то не держали ноги. Баюн, разлегшийся на пороге и подставляющий солнцу набитое пузо, недовольно мявкнул и прикрыл глаза.

– Живет как жила, – спокойно ответил гость, беря следующее полешко. – Она ждала столько времени, может и еще подождать. Я не мог просто так уйти и оставить тебя в такой разрухе.

– Какой разрухе? – праведно возмутилась я. Иван выпрямился и начал загибать по одному пальцы:

– Дверь покосилась, ставни слетели, пол ходуном ходит, крыльцо прогнило. Топор – и тот слетел с топорщища. – Он покрутил перед моим носом сжатым кулаком и веско закончил: – Починю – тогда и пойду свое счастье искать.

Гость в очередной раз размахнулся починенным топором, и расколотое полено развалилось надвое. Я молча поднялась в избу доставать чугунок и варить щи: мужчину в доме требовалось кормить, и отнюдь не земляникой.

Иван оставался у меня все лето. Он поправил дверь, навесил ставни, починил крыльцо, переложил пол и заново перекрыл крышу. Избушка словно приосанилась и сбросила с себя пару сотен лет.

Рина с гордостью хвасталась резным гребнем, подаренным ей Иваном, и снабжала его лучшей рыбой. Деревенские бабы и девицы, приходившие за мазями от золотухи и приворотными зельями в обмен на яйца, молоко и сметану, стали наряжаться в лучшие платки и забегать почаще. Баюн теперь по вечерам разваливался на лавке и сыто мурлыкал – сметаны ему доставалось значительно больше, чем раньше.

А я... я привыкла к Ивану. Привыкла к надежному и сильному мужчине в доме. Тому, что больше ничего не ломается, не падает и не отлетает. Тому, что готовить приходилось гораздо больше. Тому, как щемящее замирает сердце, когда взгляд падает на знакомые темные волосы и могучие руки. Привыкла к нашим ежедневным посиделкам, когда гаснут багровые оттенки заката, и из глубин леса мягкой неслышной походкой подкрадывается ночь.

Мы могли просто сидеть молча, слушая вечернюю перебранку лесных пичуг и басовитое уханье совы. А могли говорить – говорить обо всем. О его детстве, жизни в городе, младших братьях, красавице сестре, в прошлом году вышедшей замуж и теперь носящей под сердцем дитя. О лесе, полянках земляники, семейке ежей, нашедших приют под корнями вывороченной ели, лебединой паре в камышах и повредившей ногу косуле. О том, как я появилась в избушке на курьих ножках – об этом больше никто не знал, кроме бабули-ягули.

Как меня то ли оставили в лесу, то ли потеряли – баба-яга нашла в чащобе трех-четырехлетнюю девочку в одной рубашонке, и все, что удалось у меня узнать – только имя. Видимо, меня назвали Василисой, но от страха и по малолетству я сократила это до Лисы. А может, и нет, и меня так звали на самом деле. Узнать истину уже невозможно.

Как баба-яга оставила малышку у себя и научила ее всему, что знала сама. Как однажды уже выросшая девушка вернулась домой с полной корзиной груздей, а избушка пуста, и кот на все вопросы отвечает только: «Му-ур-шла.»

Я привыкла к постоянному желанию прижаться к мужскому крепкому телу и сидеть так, не двигаясь. Желанию провести пальцами по бугрившимся мускулам и шраму на плече, оставшимся после встречи с рысью. Привыкла к незнакомому, тревожащему мужскому запаху. К смешинке в темных глазах. К теплому взгляду, окутывающему меня нежной волной.

Привыкла, хотя и понимала, что нельзя.

С реки начали наплывать серые туманы. Утром на травяных стеблях висели крупные бусины росы. На пенках полезли дружные семейки опят. Лебеди из камышей поставили лебедят на крыло и собирались в дальний путь.

Мы оба понимали, что Ивану пора уходить, но он откладывал это из дня в день, все время находя какие-то незавершенные мелочи.

Однажды утром я, не выдержав неопределенности, вручила ему сумку с напеченными пирожками и протянула клубок.

– Тебе пора уходить.

– Лиса...

– Пора, Иван.

Он ушел молча, не оглядываясь. Я опять смотрела, как его закрывает собой лес. Слезы тихо текли по щекам. Сердце разрывалось при мысли, что теперь он ушел навсегда.

Навсегда.

На три часа.

Я успела только накормить остатками сома Баюна и сесть на лавку, сжимая в руках подушку Ивана. Слезы прекратились, но сердце все так же рассыпалось на кровоточащие кусочки, каждый из которых был связан с моим гостем. Вот тут он поймал меня, когда Баюн терся под ногами и требовал поделиться с ним запеченным тетеревом. Вот к этой полке Иван прикрепил бортики, чтобы не слетала посуда во время шевеления избушки. Вот эти ложки он вырезал короткими летними вечерами, прихлебывая чай с земляничным вареньем. Вот в этой починенной им ступе мы летали лунной ночью над лесом, одинаково смеясь и повизгивая от страха.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Сердце схлопнулось, прячась от волны нахлынувших чувств: недоумения – что он тут делает? Радости – он вернулся! Тоски – теперь придется прощаться еще раз.

– Это кто там хулиганит? – заорала я, высываясь в окно. – Сейчас как дам сковородкой! Прекрати издеваться над избушкой!

И надо мной.

– Хозяюшка, не бей меня! Дай добру молодцу слово молвить! Привел меня сюда волшебный клубочек!

Меня ураганным ветром вынесло наружу.

– Что ты сказал? – я не узнала своего голоса.

– Смотри, – таким же незнакомым голосом проговорил Иван. Он уронил клубочек на землю и проговорил: – Покажи мне, клубочек, где суженая моя живет.

Вместо того, чтобы метнуться серой мышкой в лес, клубок подпрыгнул на месте и замер.

– Здесь мое счастье, – прошептал Иван. – Я никуда от него не уйду.

Остатки здравого рассудка, еще каким-то чудом сохранившиеся во мне, неуверенно запротестовали:

– Подожди. Но как же... Князь... Город... Твоя невеста и внуки...

Две сильные руки уверенно легли на мою талию и прижали к мужскому телу.

– Мое счастье – здесь, – повторил над ухом Иван. – Отцу придется смириться. Он сам послал меня искать невесту. И я нашел ее.

Его губы опустились на мои, отбирая последние капли разума. Я с головой погрузилась в огромное, теплое, пушистое счастье, искрящееся детским смехом, нежностью и любовью.

Иван что-то говорил, убеждая то ли меня, то ли себя:

– Отец полюбит тебя. А если не полюбит – мы применим одно из твоих зелий, а потом сядем в избушку и уедем далеко-далеко... Там будем только ты и я... и наши дети... и Баюн... и Рина, если ты соскучишься по подружкам... И звезды будут петь нам песни, а мы попробуем подняться в ступе высоко-высоко, чтобы достать до них...

Я не слушала, обнимая его.
Обнимая моего мужчину.

Ворожея

За окном мне полночь грозит,
На свече робко пламя дрожит.
Яркий росчерк огня под стеной.
Тени вьют хороводы за мной.
Покажи мне, вода, покажи,
Расскажи мне, вода, расскажи,
Покажи то, что хочется мне,
Что скрываешь в своей глубине!
Колыхнулась вдруг в чаше вода,
Серебром в ней блеснула звезда.
Замирает сердечко в груди
Ждет ли суженый мой впереди?
Покажи мне, вода, покажи!
Расскажи мне, вода, расскажи!
Дай мне самый желанный ответ:
Ждет ли счастье меня или нет?
Посветлела воды чернота,
Завихрилась внутри густота,
И сквозь зябких теней лоскуты
Вижу я дорогие черты.
Покажи мне, вода, покажи!
Расскажи мне, вода, расскажи!
Не могу своих глаз отвести
От того, кто с судьбою в пути.
Догорела свеча на столе.
Скрылся образ заветный во мгле.
Но я помню тех глаз синеву,
Их узнаю везде наяву...

В дверь постучали. Негромко, но настойчиво. Вздвогнув, хотя давно ждала, что за мной придут, я торопливо встала, в последний раз поправила расшитый обережными знаками пояс, стягивающий узорчатую поневу, накинула шубку и глубоко вдохнула. Мирно спавший на лавке черный кот поднял морду, шевельнул чутким ухом и вновь свернулся клубочком. Странно, но это немного успокоило мое бьющееся сердце, и я вышла из дома.

– Пора, матушка Виринея, – склонил голову старейшина Горазд. Его слова прозвучали легко и непринужденно, словно бы он произносил их уже в тысячный раз. Хотя в действительности меня стали называть так совсем недавно, когда отошла к Великой Праматери ворожея Рода Славовичей Собрана. Мне до сих пор казалось, что обращаются не ко мне, и все время хотелось обернуться и посмотреть, не стоит ли за мной та, которую с полным правом можно было величать «матушкой». И даже «бабушкой».

Сколько весен встретила на своем веку Собрана, не знал даже древний беззубый дед Молчан, почти все время проводивший то на печи, то на теплой завалинке. Еще во времена его детства Собрана была такой, какой я впервые увидела ее: с абсолютно белыми, заплетенными в девичью косу волосами, морщинистым лицом, искривившейся спиной и хромой ногой.

Правда, глаза оставались такими же колдовски-зелеными, молодыми и пронзительно-изучающими. Казалось, Собрана собиралась жить вечно. Однако сама она так не считала.

Осознав, что подходит ее срок встречи с Великой Праматерью, ворожея начала готовить себе замену и присматриваться к окрестным девчушкам. Не найдя никого подходящего в своем селении, она отправилась по соседним, пока, наконец, не добралась до нашего. Как и о чем она договаривалась с моей матерью – неведомо. Скорее всего, мать только обрадовалась, отдавая седьмую дочь в будущие ворожеи, устроив таким образом мою судьбу. Меня, тогда пятилетнюю кроху, никто не спрашивал.

Просто однажды ко мне, выполняющей нехитрую детскую работу – собрать гусениц с капусты – подошла незнакомая бабка и уверенно взяла за руку. Я хотела было испугаться и зареветь, но взглянула в глаза цвета травы под грозовым небом – и слезы скрылись сами собой. Осталась забыта любимая кукла, спрятанная в поленнице от сестер. Маленькая ручка ухватилась за морщинистую крепкую ладонь. Высыпавшиеся гусеницы поспешно прятались под развесистые листья. Никто не провожал меня, никто не целовал на прощание. Мы неспешно и в полном одиночестве шли к воротам.

Десять лет Собрана учила меня всему, что знала сама. Слушать, о чем поют птицы и шелестит трава. Помнить, какую траву собирать на закате, а какую – по утренней росе. Принимать роды и лечить сломанные конечности. Справляться с буйнящим овинником и умиловать обиженного домового. Уметь говорить с богами.

А потом, в ночь, когда все добрые люди сидят по закрытым домам, крепко затворив ставни, когда выходит на волю и буйствует разнообразная нечисть, не опасаясь Сварогова гнева – Собрана распахнула дверь, раскрыла окна, легла на лавку, подложив под голову нож, сжала мою руку – и тихо, спокойно отошла в чертоги Великой Праматери. Буйствовал снаружи ветер, колотил в стены и хлестал в окна дождь, что-то гремело и завывало... а внутри меня рос и наливался силой переданный мне дар. Из невысокой синеглазой темноволосой девушки я одномоментно превратилась в «матушку Виринею». Ворожею рода Славовичей.

Высоко-высоко, над заснеженными кронами сосен перемигивались холодные звезды. Мороз окрашивал румянцем щеки и оставлял игольчатую изморозь на ресницах, усах и бородах. Снег весело поскрипывал под моими легкими и быстрыми шагами и тяжелой походкой старейшины и других уважаемых родовичей. Ноги сами несли меня за околицу, в лес, на полянку, окруженную стеной уснувших сосен. Туда, где уже собрался весь Род, от мала до велика, от месячного Желана до деда Молчана. Туда, где сложено семь костров: один, большой, в центре, шесть по окружности, которые только и ждут, когда по ним запляшет животворный дар Сварога.

Самая длинная ночь в году. Время власти обжигающе-ледяной Тьмы. Каждый год Морана накрывает собой весь мир в надежде победить свет и никогда уже не уйти. Полностью подчинить себе небесное и земное царство. Каждый год в эту ночь в заветном тайном месте собираются все родовичи, и ворожея Рода просит Сварога защитить их от злой богини, не дать погибнуть в холоде и голоде.

Если услышит Отец-Небо голос детей своих, не будет держать зла за вольные и невольные обиды, сочтет, что они достойны его покровительства – то пошлет на землю своего младшего сына Огня Сварожича. Разгорятся костры, и понесут люди домой частичку небесного огня, чтобы он весь следующий год горел в их очагах. А вот если Сварог не услышит... если я не смогу дозваться его...

Я передернулась, отгоняя черные мысли. Не будет такого. Никогда еще не было и вновь не произойдет. Никогда Моране не получить полную и безоговорочную власть над миром...

Стройные сосны расступились, и я вышла на заветную полянку. Тишина. Только тяжело дышит позади старейшина Горазд, поскрипывает под сапогами снег, шепчутся сосны, да в небесной глубине поют величальные песни холодные звезды. Тишина и темнота. Острое зре-

ние ворожеи позволяло различить собравшихся в круг родовичей: малышей на руках у матерей, невысокие фигурки ребятишек постарше, сгорбленные спины дедов и высоко поднятые головы молодежи. Ой, чур меня!

Я поспешно отвела взгляд от рослой широкоплечей фигуры, к которой льнула еще одна: ладная, девичья, высокогрудая, и вошла в круг. Полетела на пушистый покров шубка. Опустились на утоптаный снег колени, касаясь Матери-Земли. Протянулись к будущему костру сложенные ковшиком ладони. Зашептали губы слова, идущие, как говорила Собрана, из самого сердца.

Мать-Земля, Макошь, Хозяйка Жизни – не оставь своими заботами детей твоих! Не допусти, чтобы погубило все живое в морозном Мраке! Помоги мне дотянуться до Отца-Неба, Сварога-батюшки!

Ничего не происходило. Перестали шептать сосны и петь звезды. Молчали родовичи. Сверлил чей-то недобрый взгляд мою спину, прикрытую лишь тоненькой рубашкой. Сердце будто бы сжала чья-то ледяная рука. А вдруг ничего не получится? Вдруг не услышит меня Сварог? Вдруг Собрана ошиблась, выбрав меня в ворожеи?..

«Макошь-матушка!» – мысленно закричала я, боясь собственных мыслей и не давая им одолеть себя. Морана не получит ни меня, ни Род Славовичей! И неважно, что я уже видела, как протягиваются из темноты ко мне черные туманные плети рук, как они начинают обвиваться вокруг коленей и забираться под рубашку... Помоги мне, Мать-Земля!

Чуть заметно дрогнула земля, и по хребту покатила теплая волна, вселяя уверенность и уничтожая сомнения. Воодушевившись, я продолжала, обращаясь уже к Сварогу и уговаривая его не отдавать мир Моране.

Теплая волна в теле становилась все горячее. Щеки пылали уже не от мороза, а от внутреннего жара. Невесть откуда взявшийся ветер развеивал рукава рубашки и взметывал снежные вихорьки. Огонь в теле стал совсем нестерпимым, собрался в один опаляющий комок – и рванулся по вытянутым рукам на волю.

Родовичи одновременно выдохнули. В моих ладонях играл и плескался язычок пламени, посланного Отцом-Сварогом. Мне он не причинял никакого вреда, но, поднесенный к специально сложенным горкой веточкам и сухой бересте, перескочил на них, облизнул, и через считанные секунды вырос в рост человека. Молодые парни, лучшие охотники Рода, быстро разнесли небесный дар по остальным кострам, и вскоре вся поляна ярко осветилась семью огненными столбами.

Грехи прошлого года ушли, сгорели в очищающем пламени. Мир возродился. Морана вновь проиграла. Темнота, рассекаемая языками пламени и стреляющими искрами, неохотно отступала, пряталась в тени сосен, за высокими сугробами и в глубоких буераках. Я удовлетворенно вздохнула, встряхнула руками и встала, чуть пошатнувшись. Чьи-то руки не дали мне упасть, подхватив за плечи и накинув на них шубку. Хотя не стоило обманывать себя: мое сердце безошибочно знало, кто тот неожиданный помощник, стоявший за спиной. Повернувшись, я без удивления уперлась взглядом в широкие плечи, копну густых светлых волос, припорошенных снегом, и глаза цвета речной воды в солнечный полдень.

– Спасибо, Яромир, – сами собой сложились в улыбку губы.

– Не замерзни, ворожея, – широко усмехнулся он. – Шубка-то, смотри, совсем истрепалась.

Его кто-то позвал, и первый красавец в селении, балагур и самый меткий охотник Рода растворился в переплетении теней и света. Я, запахнув шубку, прислонилась спиной к сосне.

Родовичи, восславив Сварога, приступили к празднованию. Кто-то, бережно прикрывая огонек, нес его домой. Кто-то, нацепив вывернутую шубу и намазав лицо сажей, пугал весело визжащих ребятишек. Незамужние девицы выстроились цепочкой и шли посолонь, огибая горящие костры и втягивая в свой хоровод всех, мимо кого проходили.

Я присмотрела к девушке, шедшей во главе и несшей яркую звезду на шесте – знак второго сына Сварога, Дажьбога Сварожича. Статная, ладная, с длинной пшеничной косой, перекинутой на высокую грудь... Не она ли стояла рядом с Яромиром, ожидая появления небесного огня?

Серебристо рассмеявшись, девица ухватила за рукав ничуть не возражающего Яромира и втокнула себе за спину – обнимать за талию и вести танок вместе с ней. Звонко лилась обрядовая песня, пылали густым румянцем щеки-яблочки, искрились весельем изумрудные глаза... Горазд знал, как назвать дочь – Красава.

Мне внезапно стало зябко. Запахнув полутьму шубку – и почему Яромир сказал, что она истрепалась? – я тихо двинулась назад. Уже скоро, когда закончатся песни, девушки прибегут ко мне гадать.

Конечно, испытывать судьбу можно всю следующую дюжину дней. Девушки будут этим заниматься и поодиночке, и в компании: бросать сапожок за ворота, задирая рубашки и просовывая обнаженную нижнюю половину тела в баню, класть под подушку гребень. Но, по обычаю, в ночь Солнцеворота им гадает ворожея Рода, и это гадание считается самым правильным, самым неизменным.

Я еле успела достать все необходимое для гадания, как в дверь нетерпеливо постучала крепенькая хохотушка Любаша, а за ней тонким ручейком потянулись остальные девушки. Они влетали в избу, принося с собой морозную свежесть и взволнованное ожидание, а уходили кто радостно-восторженная, а кто и откровенно расстроенная. Последних я старалась утешить, говоря, что Рожаницы еще могут и передумать, а после этого года придет еще один, и еще, и еще, и судьба, наконец, подарит суженого. Девушки кивали, глотая слезы, и, обнадеженные, уходили. Они не задумывались, что их успокаивает их ровесница, которой, скорее всего, суждено провести жизнь одной.

Мало кто из мужчин соглашался взять в жены ворожею. По разным причинам: кто боялся приворота, кто считал их бесплодными: ведовство, дескать, не может не сказаться на здоровье, кто опасался разного рода нечисти, с которой приходится иметь дело... Как правило, ворожеи доживали до глубокой старости безмужними и бездетными и, чувствуя, что подходит их срок, подыскивали себе продолжательницу дела. Как Собрана – меня.

Небо уже посерело. Кот Василий спрыгнул с лавки, потянулся и хрипло мяукнул, намекая, что неплохо бы и позавтракать, когда в дверь, едва стукнув для порядка, вошла Красава.

– Доброй ночи, – неохотно буркнула она, присаживаясь на край скамьи.

– Скорее уж доброе утро, – устало улыбнулась я. – Подожди, я свечи сейчас достану. Успела все убрать.

– Мне не нужно гадать, – отрывисто заявила девушка. Я непонимающе посмотрела на нее.

– Тогда зачем же ты пришла, голубушка?

– Я и сама умею гадать, – запальчиво продолжила она. – Моя бабка была ворожеей, и ее дар передан мне.

Теперь я начинала понимать неприязненное отношение ко мне дочери старейшины. Соперницу она во мне видела, что ли? Было бы чему завидовать...

– Тогда зачем же ты пришла?

Красава набрала воздуха в пышную грудь.

– Мне нужно приворотное зелье!

– Зачем? – еще сильнее удивилась я. – Если Рожаницы соединили ваши жизни...

– Соединили, – оборвала меня девушка. – Я гадала, и по всему выходит он. Но боюсь, что... Брысь! – Красава отпихнула ногой подобравшегося поближе Василия. – Он не понимает своего счастья. Мне нужно его приворожить, а дальше все пойдет как по маслу.

– Подожди, Красава. Сначала давай я тоже погадаю тебе.

Несмотря на недовольную гримаску гостьи, я поставила перед ней наполненную до краев чашу, пододвинула свечи так, чтобы их пламя отражалось в воде, и прошептала нужный заговор.

– Смотри в воду и увидишь своего суженого.

Сама я отвернулась к окну, глядя на посветлевшее небо и черные линии березовых ветвей на его фоне. Не хотелось ни смущать девушку – хотя, кажется, Красаву смутить невозможно – ни видеть лицо того, кто покажется на дне чаши.

Обычно проходило не менее четверти часа, прежде чем гадающая девица издавала радостный визг. Иногда мы ждали вдвое-втрое дольше, пока вода не мутнела. Это означало, что сегодня Рожаницы ничего не скажут. Однако Красава вскрикнула уже через пару минут и так сильно оттолкнула от себя чашу, что вода выплеснулась на стол.

– Вот! – с непонятным ожесточением выплюнула она. – Я же говорила, что это он! Яромир!

Я не удивилась, услышав это имя. В памяти еще не успел стереться образ веселого охотника, обнимающего красавицу за тонкий стан и поющего вместе с ней обрядовую песню.

– Мне нужен приворот! – повторила Красава. – Виринея, сделай мне его!

– Не могу, – отрицательно покачала я головой. – Точнее, могу, но не буду. Если Рожаницы соединили ваши судьбы, то приворот только навредит. В вашей жизни не будет счастья. Подожди немного, и все сложится само собой. Хочешь, погадаю, выйдешь ты замуж в этом году или нет?

Красава словно не слышала меня.

– Не будет счастья? – визгливо повторила она. – Ведьма, ты сама понимаешь, что говоришь? Я справлюсь без тебя!

Мазнула по воздуху роскошная пшеничная коса, взвихрился подол праздничной рубашки, хлопнула дверь – Красава, не удосужившись попрощаться, выскочила в мороз. Я пожала плечами, провела по столу полотенцем, вытирая расплескавшуюся воду, а потом внезапно придвинула чашу к себе. В темной глубине мигнуло свечное пламя. Губы зашептали знакомые слова. Повеяло теплом от ладони, прошедшей над прохладной водой.

Присел рядом Василий, с любопытством вместе со мной заглядывая за резной ободок. Конечно, он удивлялся. Собрана никогда не гадала сама себе.

Мы долго и пристально смотрели на темную, колышущуюся воду. Коту, в конце концов, надоело, и он занялся умыванием. Я же не отрывала глаз до тех пор, пока они не заслезились. Пришлось сморгнуть раз, другой... Вдруг в чаше что-то изменилось. Вода помутнела?

Нет. Я с удивлением смотрела на показавшееся на дне лицо. Мужское. Копна светлых волос. Резкие скулы. Приподнятые в улыбке уголки губ. Глаза цвета речной воды в солнечный полдень.

– Чур меня! – не своим голосом выкрикнула я, вскакивая со скамьи. Вода расплескалась во второй раз за ночь. Образ исчез.

Я не могла видеть в чаше Яромира. Он не мог показаться сразу двум девушкам – Рожаницы не допустят такого. Это ошибка. Ворожее нельзя гадать на себя.

Полетела круговерть хлопотных дней. За привычными делами ворожеи, которые теперь лежали только на моих плечах, я не могла выкинуть из головы все, что случилось на Солнцеворот, и невольно обращала внимание на Яромира. Кажется, Красава была права: молодой охотник еще не понимал своего счастья и обращал внимание на дочь старейшины не больше, чем на других. На посиделках он хватал то пальцы одной девицы, то пряслице другой, требуя от них выкупа-поцелуя, плясал с третьей и никогда никого не утаскивал в укромный уголок пошептаться. В День Домового Красава чуть ли не под руки ему лезла, предлагая сваренную ею кашу для угощения хозяина дома. Яромир же наполнил плошечку, взяв понемножку у всех

девушек. Я ничего не понимала: он противится Рожаницам или же просто еще не знает, что они покрасили нитку его судьбы?

Глухой лютеньской ночью в двери заколотили так, словно разверзлась земля. Старейшина ворвался внутрь, еле дождавшись, пока я подниму засов.

– Матушка Виринея! Пора!

Мельком удивившись, что он пришел сам, а не прислал кого-нибудь из домочадцев, я сунула ноги в сапоги, набросила шубку и прихватила загодя собранную сумку.

– Давно началось?

– Еще на закате, – виновато выдохнул Горазд и торопливо пояснил, видя мои нахмурившиеся брови. – Видана все уверяла, что не нужно тебя тревожить, они, мол, сами справятся, нехитрое дело-то...

Я нахмурилась еще сильнее. Видана, дородная жена старейшины, выносившая и родившая с десятков детей, конечно, могла не доверять юной ворожее.

– Так может, мне и идти не стоит?

– Что ты, матушка!? – изменился в лице Горазд и замахал рукавицей. – Миланка диким криком кричит, надрывается. Я не стал глупых баб слушать, сам побежал. Помоги дочке, матушка Виринея. Первый внук ведь у меня в мир торопится.

Я дослушивала его слова, уже закрывая лицо от морозного сильного ветра.

Добротная, хорошо протопленная баня чуть не лопалась от количества скучившегося в ней народа. На будущего отца, всегда спокойного и неторопливого Бояна, теперь сжимающегося при каждом доносившемся изнутри крике, я натолкнулась на пороге. С ним я разобралась очень быстро.

– Нож при себе? Обнажи и ходи вокруг бани, пока все не закончится. Не подпускай к жене темные силы.

Лицо Бояна прояснилось, он проникся осознанием важности порученного ему дела, достал нож длиной в локоть и побрел вдоль стены.

В предбаннике метались две тетki Миланы, поминутно взвизгивая и охая – считалось, что тем самым они снимают часть боли с роженицы. Им я поручила принести и согреть еще воды. Тетки, казалось, были рады убраться хотя бы к колодцу, не находясь рядом со страдающей женщиной.

Милане действительно было плохо. Одним взглядом я оценила и непривычную бледность всегда румяной девушки, и закушенную от боли, кровоточащую губу, и впившиеся в поллок пальцы, и повисшие сосульками распущенные волосы.

– Пей, пей, – повторяла Красава, поднося сестре чашку... не знаю с чем. Милана не слышала ее, запрокидывая голову назад и страшно крича. Сидевшая рядом с ней Видана вытирала дочери пот и слезы и шептала, призывая на помощь Рожаниц. Тут уже Морана скоро примчится...

– Уходи, – бросила я Красаве, отбирая у нее чашку. Вода, смешанная с клюквой, для укрепления сил. Хорошо, но сейчас это не поможет. Тут не силы добавлять надо, а удерживать роженицу, пока она к Великой Праматери не ушла вместе с нерожденным дитем.

– Тебя никто не звал! – прошипела Красава.

– Звал. Твой отец. А теперь уходи, не мешай!

– Иди, дочка, – добавила и Видана дрожащим голосом. Девушка блеснула гневом в глазах и выметнулась наружу.

Я выплеснула воду на камни, зачерпнула кипятка из бадьи и быстро сыпанула в чашку щепоть приготовленного сбора.

– Милана, – я присела на корточки перед ней. – Глотни. Все будет хорошо, поверь мне.

Мутный взгляд роженицы чуть прояснился. Она сделала глоток, другой – и вновь закричала, раздираемая болью. Я сунула чашку Видане, дождалась, пока схватка угаснет и ощущала

выпяченный живот. По спине пробежал отчетливый холодок. Сердце сжалось. Ребенок лежал неправильно. Нужно его повернуть, иначе потеряем и его, и мать. Матери-Рожаницы, помогите мне!

В чашку полетели две капли настоя. Подумав, я добавила еще одну.

– Пусть она выпьет до конца.

А сама уже настраивалась, как учила меня Собрана, переходила в серый, без красок и запахов мир, где тонкими лучиками еще светились две нитки – Миланы и ее нерожденного сына. Нащупывала потеплевшими, почти обжигающими ладонями невидимое в животе дитя, рвущееся в мир, и разворачивала его вдоль материнского тела. Просила Рожаниц не обрезать его жизнь и не подпускать к нам богиню смерти.

Потом мы с Виданой, поддерживая с двух сторон Милану, водили ее кругом от полка до двери и обратно, посолонь, давая время от времени глотнуть отвара.

Потом я сидела, поддерживая раздвинутые ноги роженицы, которая вцепилась пальцами в дерево, уговаривала ее тужиться и вливала в усталую Милану свои силы.

Наконец, показалась головка, и мне на руки выпал крупный мальчишка. Он обозрел все вокруг и обиженно заверещал, получив от меня шлепок по попе.

– Сын у тебя, – выдохнула я, кладя мальчика на руки матери. Свежеиспеченная бабушка метнулась к порогу, неся стрелу и нож: перерезать пуповину, чтобы охотником рос, как отец и дед.

В баню ворвался Боян.

– Кто?

– Сын у тебя, – повторила я, устало ополаскивая ладони. Дальше справятся без меня: муж, мать, набежавшие тетки... Можно выйти, прислониться к стене, потому что почему-то не держат ноги, смотреть на ясное утро, чирикающих воробьев и бегающих собак, и всей грудью пить холодный, пахнущий хлебом и дымом воздух.

У крыльца щебетали и хихикали подружки Красавы, прибежавшие поздравить с новорожденным. Я воспринимала их болтовню как часть общего звукового фона, пока из него не выбился пронзительный голосок Любавы:

– А когда Яромир будет дитя на руках держать?

На нее зашикали, ругая за неприличный вопрос, но Красава недовольно протянула:

– Не знаю. Как Рожаницы решат.

– А я слышала, – не унималась хохотушка, – он свататься собирается. Как, говорит, лис на шубку набьет, так и зашлет сватов.

– Кому говорил? – загомонили девицы. Мне расхотелось стоять на месте и подслушивать досужую болтовню. Сил от этого не прибудет, а обычные дела никто за меня не сделает. Я осторожно, чтобы не показаться на глаза хихикающей стайке, выбралась со двора.

Чтобы тут же натолкнуться на того, о ком не хотела слышать.

Яромир заботливо поддержал меня, отобрал сумку и закинул себе на плечо.

– Давай провожу. А то упадешь еще ненароком, сломаешь ногу, кто тогда нам Масленицу сожжет? – наполовину в шутку, наполовину серьезно предложил он.

– Чур меня! – всколыхнулась я, вскрикнув слишком громко. – Не зови беду, она тут неподалеку ходит!

Спиной я почувствовала, что за нами наблюдают, изловчилась, бросила взгляд назад и уверилась в своих ощущениях. Красава, сойдя с крыльца, пылающими от гнева глазами смотрела на нас.

– А ты не боишься? – не подумав, поинтересовалась я.

– Чего? – удивился Яромир. – Беды? Не боюсь. Меня Леля-Рожаница при рождении поцеловала.

Он распахнул рубаху, показывая круглое розовое родимое пятнышко над сердцем. Я не стала объяснять, что имела в виду совсем не беду, а его суженую, которая с удовольствием убила бы взглядом или меня, или его, или нас обоих. Развернулась и пошла, крепко уцепившись за надежную руку охотника. Меня распирало любопытство: сколько же ему осталось добыть лис на шубку? Скоро начнется линька, и, если он не успеет до Красной горки, то сватов придется засылать уже ближе к зиме. Но я ничего не спросила. Шла, чувствуя себя непривычно защищенной, и чувствовала, как прожигает спину взгляд Красавы.

Через несколько дней я полезла в кладовую собрать травы для Миланы, чтобы лучше молоко шло, и замерла с поднятой рукой. В моих запасах кто-то копался.

Я тряхнула головой и присмотрелась получше. Нет, все верно. Вот этот мешочек стоял в первом ряду, я часто использую крушину. Вот из этого пучка явно вытянули пару веточек, вот здесь просыпались измельченные листья кровохлебки. Травы кто-то взял без спроса, и я догадывалась, кто.

– Василий! – с упреком подозвала я кота. Зверь лениво поднял морду, приоткрыв янтарный глаз. – Ты почему за порядком не следишь? В нашей кладовой копаются, как в своей собственной, а ты и ухом не повел!

– Мррр? – удивился кот, грациозным прыжком соскочил на пол и обследовал кладовую.

– Мря-я-у! – возмущенно сообщил он, наконец. Я восприняла это как извинение и обещание, что с этих пор Василий не даст спуску незванным пришельцам. Мне и самой стоило принять меры. Зачаровать дверь, например. Или сообщить старейшине о проделках его дочери. Однако не хотелось доводить Красаву до выставления на всеобщий позор. Для начала поговорю с ней.

Отдав Милане травяной сбор и полюбовавшись крепко спящим Ратибором, я в буквальном смысле поймала за косу ее младшую сестру и отвела ее за сарай, где нас никто не мог бы услышать.

– Верни мне травы.

– Какие? – округлила глаза девица.

– Бессмертник, почегда, козлийный вертлужник, – методично перечисляла я весь список украденных трав. С каждым названием личико Красавы все больше и больше вытягивалось. – Все травы, нужные для приворотного зелья. Верни их.

– А то что? – задиристо поинтересовалась девушка, перебрасывая за спину косу. – Сама решила приворожить?

– Красава, – стараясь не терять хладнокровия, проговорила я. – Привораживать суженого украденными травами – это только гневать богов и ломать свою судьбу. Ты хочешь, чтобы Яромир отвернулся от тебя, когда действие зелья закончится? Или будешь поить его всю жизнь? А сама бездетной не боишься остаться, отравив семя мужа украденными травами?

– Накаркаешь, ворожея! – скривила губы Красава.

– Это ты сама на себя беду кличешь, – спокойно возразила я. – Верни травы. Будем надеяться, ничего серьезного еще не произошло. Обещаю, что твой отец ни о чем не узнает.

Вот тут Красаву проняло. Она-то знала, что отец скорее поверит мне, чем взбалмошной дочери. Самое меньшее, что ей грозит – это просидеть взаперти до будущей помолвки.

– Хорошо, – процедила она сквозь зубы и с недовольным видом ушла в избу. Отсутствовала она долго. Я уже устала ждать и раздумывала: пойти ее поторопить, пока на меня не наткнулся старейшина, или оставить все на волю Сварога. Спросит Горазд, почему я тут стою – честно отвечу, а там пусть сам с дочерью разбирается. Я сделала все что могла.

Красава все-таки вернулась, чуть ли не швыряя мне в лицо пахучий мешочек. Невозмутимо развязав его, я высыпала на ладонь щепотку трав и присмотрелась. Вроде бы то, что нужно.

– Не торопи события, Красава, – на прощание посоветовала я и, не удержавшись, добавила: – Не так много лис на шубку и надо. Жди скоро сватов.

Девушка почему-то вспыхнула, проглотила меня огненно-гневным взглядом и убежала. Я в задумчивости проводила ее взглядом и неторопливо ушла сама, пообещав себе последить и за девицей, и за ее суженым. Не отсыпала ли она себе травок? Накличет же беду, глупая...

Прикатила румяным блином Масленица. Бодро чирикали воробьи, нежась в лучах воставшего солнца. Жизнерадостно визжали ребяташки, затеявшие игру в снежки. Ярко и весело горело соломенное чучело, знаменуя победу Весны в вечной битве с Зимой. Шумно праздновали родовичи окончание самого сурового, самого холодного и мрачного времени года. Только у меня сжималось от мрачных предчувствий сердце.

Яромир не отходил от Красавы ни на шаг, глядя на нее влюбленными, чуть замутившимися глазами. Отдавал ей все выигранные расписные яйца. Подносил чарку с горячим медовым сбитнем. Крепко держал за руку в «ручейке», с задорными песнями обтекавшим зажженные костры.

Что же ты наделала, Красава? Ведь не миновать теперь беды!

Она не заставила себя долго ждать.

Оттепель держалась неделю. Потом Зима из последних усилий напряглась, собрала весь оставшийся у нее снег и высыпала на землю. Завихрило, запуржило, прикрыло уже подтаявший наст новым слоем.

А перед этим почти весеннее тепло выгнало из берлоги медведя. На шатуна, голодного, злого, натолкнулся погнавшийся за последней лисой Яромир.

Я растирала занедужившего братика Любавы барсучьим жиром, когда в избу ворвался соседский постреленок.

– Матушка ворожея! Там! – с порога завопил он, не стряхнув снег с валенок и полущубка. – Там!

– Что? – повернулась я, уже чувствуя нутром, что случилось что-то очень плохое.

– Там! Медведь Яромира задрал! К вам в дом отнесли! Все лицо когтями располосовано и спина! Кровища везде!

Девушки, щебечущие на лавке под окном, завизжали еще на первой фразе. Когда же мальчишка выкрикнул последние слова, они повскакивали с мест и заматались по комнате, не зная, куда, и, главное, зачем бежать. Только Красава невозмутимо сидела, вышивая на праздничной рубахе затейливый узор.

С абсолютно ясной головой, сжавшимся от боли сердцем и подрагивающими руками я сунула хозяйке дома горшочек с жиром и, торопливо одеваясь, подошла к дочке старейшины.

– Мне пригодится твоя помощь.

Красава даже не оторвала взгляда от вышивки.

– Ты ворожея, сама и справляйся.

Метавшиеся по избе подружки замерли.

– Но он же твой суженый? – не выдержала Любава.

– Кому он нужен, такой... медведем порченный? – равнодушно кинула их подружка, делая очередной стежок.

Кто-то ахнул. У хозяйки вывалился из рук горшочек. Кто-то, кажется, не сдержался и залепил пощечину Красаве. Я не видела всего этого, несясь по скользкой, узкой тропке к своему дому. Счет шел даже не на минуты – на секунды. С каждым мгновением из Яромира утекала жизнь, и хорошо, если я застаю его живым.

Застала.

Чуть дрогнули губы под приложенным пальцем. Продолжали биться жилка на бледном виске. Отталкивая ужас и обреченность, я делала то, что должна была: промыть раны. Приложить к ним чистую тряпицу, смоченную в целебном бальзаме. Перевязать спину. Осторожно

перевернуть Яромира на бок. Обработать таким же образом раны на лице. Влить в рот три... пять капель заветного настоя на редких травах, которые, как говорила Собрана, могут и мертвого поднять. Вот и проверю ее слова.

Яромир открыл потерявшие прежний цвет глаза. Шевельнулись посеревшие губы.

– Не успел... последняя лиса оставалась...

– Молчи! – взметнулась я, чувствуя горечь и странную обиду. Даже на пороге смерти он думает о Красаве...

– Совсем твоя шубка истрепалась...

Я чуть не вскрикнула, не веря своим ушам. Но Яромир уже не мог говорить, падая в темную бездну беспамятства.

Взвыл и соскочил с лавки Василий. Глядя на запертую дверь, он выгибал спину, топорщил шерсть и страшно шипел.

– Не отдам! – отчаянно закричала я, хватая охотника за руки. – Уходи прочь, Морана! Он еще не твой!

Трепетала под нажимом тонкая завеса, отгораживающая Яромира от мира мертвых. Я как могла укрепляла ее, подпитывая еле теплящийся огонек его жизни. Матери Рожаницы, помогите мне! Не отпущу Яромира в объятия Мораны! Она не получит его! Не сейчас!

Схватив нож, я полоснула запястье и оросила брызнувшей кровью повязки на его теле, чтобы запутать Морану, чтобы не различала она, где живой, а где умирающий человек...

Василий перестал шипеть, успокоился и улегся у Яромира в ногах, чутко поводя ухом. Мне в спину перестал давить чужой мертвенный взгляд. Руки неудержимо тряслись, ноги не держали и подкашивались, а с сердца точно упал тяжелый груз. Огонек в теле охотника перестал мерцать и загорелся ровным, хотя еще и слабым пламенем. Яромир крепко спал.

Истощенная Зима уползла в дальние закоулки, под развесистые коряги, в темные пещеры восстанавливаться. Молодая, полная сил Весна решительно взялась за дело: пригревало солнышко, потекли веселые ручьи, заплакали сосульки на крышах, вылезли на проталинах первоцветы. В день, когда хозяйки пекут жаворонков, а ребятишки, схватив печево, славят приход тепла и проснувшуюся ото сна природу, Яромир первый раз смог самостоятельно сесть и выпить молоко.

– Виринея? – позвал он хриплым, плохо слушающимся его голосом. – А если сватов зашлю – пойдешь за меня? Без шубки?

Я хотела отшутиться, но что-то в его словах заставило дрогнуть сердце. Молча подошла и опустилась перед ним на колени, заглядывая в прежние, цвета реки в солнечный полдень, глаза.

– А не боишься?

– Чего? – криво – на щеке еще не зажил окончательно кривой шрам от удара когтя – усмехнулся он.

– Жены-ворожеи.

– Глупая... – смягчился его голос. – Такой жены не бояться надо... Гордиться... на руках носить.

Сильные пальцы, способные и тугой лук натянуть, и нож метнуть, и топором махнуть, удивительно нежно провели по моему виску, щеке, завели за ухо прядь волос...

Таяло сердце, млея от неожиданной и такой сладкой ласки. Кружилась голова от всплеска непривычных чувств. И только одна, холодная и неприятная мысль портила все удовольствие.

– А как же Красава?

Яромир, посмурнев, убрал на колени руку, понимая, о чем я. Медленно, подбирая слова, заговорил:

– Помстилось мне тогда, Виринеюшка. Морок нашел. Всегда только тебя видел. Веришь?

Я молча смотрела на него, в поисках малейшего признака лжи, и не находила ее.

– Верю.

– Так пойдешь за меня?

– Пойду...

Весть о скорой свадьбе стайкой воробьев разлетелась по селению. Яромир, пошатываясь, перебрался к себе домой: негоже, мол, невесте с женихом в одном доме проживать. Местные женщины во главе с Виданой кинулись шить мне приданое: негоже, чтобы ворожея замуж выходила бесприданницей, не имея ни платочка, ни полотенчика. Меня тоже усадили, вручив иглу – по обычаю, невеста должна вышить для будущего мужа новую рубаху. И неважно, что у простых девушек на подготовку приданого уходили годы, а у меня было несколько недель. В хорошей компании, за песнями и прибаутками, работа спорилась.

Красава не принимала участие в посиделках. Если они проходили в чужом доме, она просто не являлась. Если же в ее родном – сидела в углу и сверлила меня злобным взглядом.

Мне это не нравилось. Сглаза я не боялась – что за ворожея, если не сумеет от злого глаза защититься? Но и сидеть с ощущением чего-то тяжелого и неприятного, проникающего под кожу – приятного мало.

Договорившись с Виданой, я как-то раз пришла пораньше, застав Красаву одну в избе. Зыркнув из-под бровей, девица попыталась удрать, но не успела. Я преградила ей дорогу.

– Почему ты злишься?

– А то непонятно? – фыркнула девушка, задрав подбородок.

– Яромир больше не твой суженый. Ты сама от него отказалась, порвав связь между вами.

– Связь? – ядовито передразнила Красава. – Не было между нами никакой связи. Я всегда видела в чаше только туман. Это ты не дала мне поймать счастье! Ты не дала приворота! Ты испортила всю мою жизнь!

– Красава, – потрясенно проговорила я. – Послушай себя! Ты сама, и только ты виновата во всех своих бедах, которые и не беды вовсе. Ты не любила Яромира, иначе не бросила бы его на краю смерти. Счастье нельзя поймать. Оно само приходит к тем, кто его достоин.

– Так я недостойна счастья? – прошипела девица и, отпихнув меня в сторону, выскочила на улицу. Мне оставалось только вздохнуть и пожать плечами.

Свадьбу играли в купальскую ночь. Было все: и старейшина Горазд, исполняющий роль посаженного отца; и венок, сплетенный Миланой, лежащий на плотном платке невесты; и обрядовые печальные и веселые песни; и прыжок через очищающий костер рука об руку с мужчиной, ставшим моей судьбой; и горящее колесо, катящееся в реку; и плывущие по ней венки девушек...

И утонувший венок Красавы...

И фиолетовый огонек цветка папоротника на полянке в лесной чаще, который мы с Яромиром не заметили, занятые только друг другом...

И мелодичные песни звезд в высоком бархатном небе, обещающие нам долгую и счастливую жизнь...

Сказ про лесную ведьму и Дагмара-кузнеца

По ночам, когда месяц косой задевает верхушки осин,
А лохмотья костра улетают в бездонное небо,
Собираются все в тесный круг, и иссохший старик Никодим,
Подкрутив ус седой, вспоминает то былъ, а то небыль.

Он, прищурясь, вещает про мудрую древнюю птицу Сирин,
Что своими крылами похожа на грозную тучу,
Про охотника Сандро, который ушел за добычей один
И нашел гномий клад за высокою горною кручей.

А еще – про хозяйку лесную, что прячется в дикой глуши,
С тонким станом и прядями цвета степного заката,
Но, в чашобу глухую попав, ты красотку искать не спеши.
Кто увидит ее – тот теряет покой без возврата.

Вот в соседней деревне, за речкой, недавно жил Дагмар-кузнец.
Две сажени в плечах, сам красив и как солнышко рыжий,
Раз весной, за рудой пойдя, заблудился в лесу молодец,
И вернулся домой через год, неизвестно как выжив.

И с тех пор на себя перестал быть похож здоровяга-кузнец,
Он не ел, не ковал и не пил, лишь стоял на крылечке,
И сжимал в руках дивный, из травок и веток сплетенный венец,
И с тоскою смотрел в темный лес, там, за лентою речки.

Так и лето, и осень прошли, а кузнец все печально глядел,
А потом запуржила метель, и покрыл снег избушку,
Нашли утром пустую ее, и огонь в очаге не горел,
Только длинная нитка следов уводила к опушке.

И не видел никто кузнеца, – завершает старик Никодим.
Все молчат, только нежно воркует с травинками ветер,
Где-то в чаще лесной ведьма кормит могучую птицу Сирин,
Да смеются залиvisto солнцеволосые дети.

Большая когтистая лапа махнула прямо перед моим носом.

– Ты что? – возмутилась я. – Сирин, я же тебе помогаю!

В ответ на это громадная птица жалобно испустила мелодичную трель и толкнула меня массивным телом так, что я едва удержалась на ногах. Белый, мирно спавший, свернувшись, в углу, вскочил на лапы и грозно рыкнул, оскалив безупречные белые клыки. Сирин еще раз вскрикнула. По ее человеческому лицу скатились две слезы. Но зато птица замерла, с ужасом глядя на крупного белого волка, позволяя мне заняться тем, чем я и собиралась с самого начала: осмотреть сломанное крыло.

– Где же тебя так угораздило, милая? – грустно пробормотала я, обрезая перья и соединяя разошедшиеся концы плечевой кости. Ответа не последовало, но я и так знала: Сирин

не совладала с бурей, упала на дуб и уже пешком добрела до меня, волоча за собой крыло. Впрочем, выглядело все не так и плохо: перелом срастется, перья отрастут, и женщина-птица вновь сможет летать. Правда, на восстановление уйдет несколько недель, а это означает, что зиму она проведет в моем сарае.

Я придавила сломанную кость дощечками, замотала их чистой тряпицей и силой влила в рот Сирина горькое, но чрезвычайно полезное зелье, способствующее сращиванию костей. Птица бросила на меня обиженный взгляд, засунула голову под здоровое крыло, распушила перья и, кажется, собралась спать. Я пожелала ей спокойной ночи, потрепала по шее толщиной в мое бедро и кивнула Белому, все так же стоявшему на страже.

– Пойдем, я закончила.

Волк первым выскочил в приоткрытую мной дверь. Закрывал ее уже ветер. Я еле успела протиснуться сквозь узкую щель, как мощный порыв с силой захлопнул ее, сотрясая не такое и устойчивое строение. С пологой крыши на меня свалился пласт снега, запорашивая непокрытые платком волосы и воротник шубки. Одновременно несомый бураном снег ударил меня в лицо, кусая щеки, нос и губы. Глаза тут же заслезились.

Я подняла воротник, и не обращая внимания, что под шубку с него насыпались фунты холодных снежинок, спрятала руки в рукава, уткнулась носом в мех и побежала к избушке, то и дело соскакивая с протоптанной тропинки в сугроб.

– Белый, где же ты?

Успевший отбежать вперед волк вел себя странно: невзирая на бушующую вокруг метель, он стоял и принюхивался к чему-то. Или прислушивался, чутко поводя настороженными ушами.

Наконец, я добралась до избушки и затопала на крыльце ногами, стряхивая снег с валенок и шубки. Еще немного, и я окажусь в тепле, рядом с жарко натопленной печкой, а на столе ждали крынка с ягодным морсом, мед и напеченные с утра пирожки с грибами.

Подскочивший ко мне Белый рыкнул.

– Ты что?

Еще один рык. Видя, что я не понимаю его, волк легонько ухватил зубами подол шубки и потянул меня в сторону леса.

– Белый, куда? Зачем? Там метель? – жалобно запротестовала я, уже понимая, что что-то случилось, и требуется моя помощь. Волк потянул сильнее и добавил в рычание несколько предупреждающих ноток.

– Дай только мне платок накинуть, – обреченно попросила я. Белый, перебирая лапами от нетерпения, дождался, пока я возьму из сеней платок и теплые рукавицы, и мотнул головой в сторону торчащих из сугроба саней-волокуши. Привыкнув доверять чутью моего верного спутника, я намотала на запястье веревку от них и, тщетно пытаясь спрятать лицо от пронизывающего ветра и снега, поспешила за Белым.

Волк шел впереди, прокладывая дорогу и увязая по брюхо, и поминутно проверял, не отстала ли я. Я шла. Отложила мечты о теплой печке и морсе, тянула за собой сани и торопилась, стараясь не потерять в снежном коловороте пушистый белый хвост.

К счастью, идти пришлось недалеко. Через четверть часа Белый привел меня к оврагу, до которого летом добегал за пару-тройку минут, и, еще раз принюхавшись, начал истошно рыть лапами снег. Я бросила сани и присоединилась к нему.

Почти тут же рука наткнулась на нечто холодное и твердое. И одетое. Мы с Белым заработали еще быстрее, добавляя к уже и так выющимся вокруг нас мириадам снежинок новые вихри.

Мужчина.

Массивный – раза в два шире меня в плечах. Высокий – на голову, если не больше, выше меня. С крепкими руками и небольшой круглой бородкой. И живой – моя бесцеремонно засунутая ему за пазуху рука обнаружила биение сердца.

– Какой ты молодец, Белый, – похвалила я волка. Тот фыркнул, давая понять, что для него это привычное дело, и дернул веревку саней, подтягивая их ко мне. Я с трудом затащила найденыша на волокушу, еще раз искренне поблагодарив Белого. Без саней я никогда в жизни бы не дотаскала крупного мужчину до избышки, а оставлять его умирать от холода – не в моих правилах.

Обратная дорога показалась немножко легче, несмотря на тяжелую ношу: то ли ветер стих, то ли изменил направление и теперь подталкивал в спину. Возле дома возникла новая проблема: как затащить так и не пришедшего в сознание незнакомца в избу по пяти ступенькам и через сени? Но мы справились и с этим. Белый уцепился зубами за воротник полушубка и, упираясь всеми четырьмя лапами, помог мне взволочь найденыша в благословенное тепло.

Пару полешек – в печь, шубку – на лавку, воду – в котелок над огнем, платок – с головы, валенки в угол, мясную кашу – Белому – заработал, умница моя, и после всего этого – упасть на колени перед лежащим на половичке незнакомцем. На лавку мы затащить его уже не смогли.

Сердце по-прежнему билось. Белые щеки начинали приобретать розовый цвет и скоро, если судить по собственному опыту, станут малиновыми и начнут щипать. То же самое и с пальцами. Я стащила с найденыша валенки и внимательно осмотрела неожиданно чистые ноги. Нет, отмораживанием тут и не пахнет: теплая обувь и рукавицы избавили меня хотя бы от этой проблемы. Тогда почему же, мил-человек, ты еще не пришел в сознание?

А человек действительно милый. На лице ни рябинки, ни морщинки, ни царапинки, ровный нос, кустистые брови, сходящиеся у переносицы, и волосы цвета предзакатного солнца. Лет двадцать пять на вид. Крепкий и жилистый.

Я сыпанула в кружку пригоршню трав, залила их кипятком, сама вдохнула животворящий аромат и опять присела рядом с найденным мужчиной.

– Ну давай, приходи в себя. Ты же не можешь вечно лежать у меня на полу?

Я подула на ложку, которой зачерпнула настой, и осторожно поднесла к обветренным губам.

– Пей. Ну?

Горячая жидкость частично стекла на бороду, частично проникла внутрь. Мужчина закашлялся, дернулся и открыл глаза. Синие-синие, каким бывает только небо в разгар золотой осени.

Найденыш сжал руку в кулак, сгребая половичок, в его глазах мелькнул испуг, и он резко повернулся ко мне. Как ни странно, мой довольно растрепанный вид и общество белого волка его не встревожили. Страх и напряжение пропали, заместившись удовлетворением.

– Ты, – констатировал мужчина и вновь вознамерился потерять сознание.

– Эй! – возопила я, хватая его за руку. – Не смей! Вернись ко мне!

В чувство найденыша привели не мои испуганные крики – конечно, испуганные, я не могла ни оставить незнакомца валяться на коврике у двери, ни затащить его на лавку – а мокрый и горячий язык Белого. Волк, с интересом наблюдающий за происходящим и попутно выкусывающий льдинки между пальцев, встал, не торопясь подошел к нам и от души вылизал щеки и лоб мужчины.

– Ты, – опять радостно констатировал найденыш, глядя прямо на меня. Может, это такой способ познакомиться?

– Я – Веда.

Мужчина моргнул, нахмурился и посерьезнел.

– Дагмар. Кузнец. Раньше был.

– Так, Дагмар-кузнец... – Я встала и поморщилась: в затекшие ноги вонзились тысячи иголок. – Давай я помогу тебе перелечь на лавку. На полу, конечно, хорошо, но там лучше.

Дагмар отказался от моей помощи, сам с трудом поднялся с пола, прошел несколько шагов до лавки и тяжело рухнул на нее. Я гостеприимно предложила морс и пирожки. Дагмар только помотал головой, залпом – после некоторого нажима – выпил заваренное зелье и повалился ничком, на этот раз спать. В отвар в том числе входили и снотворные травы. Я заботливо прикрыла могучие плечи стеганым одеялом, устроилась за столом и с аппетитом уничтожила половину пирожков и морса. Завтра надо будет не забыть смазать ему щеки мазью. Узнать, каким буйным ветром занесло ко мне незваного гостя. Потом выпроводить или же подлечить, а потом выпроводить, в зависимости от состояния.

Утром, все утром.

Которое началось со стука. Пока я протирала заспанные глаза и вылезала из-под теплого одеяла, стук повторился еще раз, дверь распахнулась, и в избу вкатился черный взъерошенный комок шерсти с тонкими палочкообразными ручками и ножками.

– Врр. Хрр, – встревоженно сообщил он.

Я мигом посерьезнела и поспешно начала одеваться. Наскоро переплести косу, накинуть вторую рубашу, потеплее, взять дежурную котомку со снадобьями...

– Кто попал? – уточнила по ходу дела я.

– Хрр. Мрр, – пояснил вошедший.

– Сильно пострадала?

– Фрр. Хрр. Трр.

– Ясно.

Я привычно подбросила в печь поленьев – пусть изба без меня прогревается – и замерла, наткнувшись на ошалелый взгляд синих-синих глаз. Отец-Перун, я совсем забыла про Дагмара!

– Кто это? – хрипло спросил мой гость, приподнявшись на локте.

– Ендарь.

– Хрр, – поторопил вышеупомянутый лесной бес.

– Дагмар, я должна идти. Вернусь – объясню.

Я свистнула Белому и выскочила в предутреннюю темноту.

Ветер, к счастью, стих, но снега напало до... в общем, много. Ленивое зимнее солнце еще и не думало вставать, месяц, наоборот, перетруился и отправился отдыхать, а звезды зябко кутались в толстые клубящиеся тучи. Нас с Белым спасало лишь острое ночное зрение.

Черный клубок бодро катился по снегу, не проваливаясь. Волк ломился за ним, приминая сугробы. Я замыкала строй, радуясь, что сегодня нам не препятствует пурга.

– Хрр. Мрр, – сообщил ендарь, останавливаясь. На разворошенном снегу лежало и скалило зубы одно из самых красивых лесных существ, какие мне попадались: земляная кошка. Мягкая, бархатная даже на вид золотая шкура в черных пятнышках, кисточки на ушах и ярко-зеленые злые глаза. Странно: эта кошка почти все время проводит под землей, нам, верхним жителям, видны только кисточки ее ушей и иногда глаза. Так что же заставило кошку вылезти наружу?

Кошка не соблаговолила ответить, яростно зашипев и оскалившись.

– Брр. – Ендарь подкатился поближе и показал на лапу кошки, зажатую в капкане.

– Вижу, – проворчала я, осторожно приближаясь к страдальце. Кошка метнулась вперед насколько могла, взмахнув лапой и целясь когтями мне в глаза. Я успела отпрянуть и только поэтому отделалась неглубокой раной на щеке.

– Вот зараза, – от неожиданности выругалась я. Приложенный к щеке снежок быстро окрасился багровым. Кошка утробно рычала, предупреждая, что готова опять напасть.

– Глупая, я же помочь тебе хочу! Белый, придержи ее!

Волк белой стрелой ринулся к кошке, схватил ее за горло и прижал к земле. Зверюга возмущенно шипела, но дернуться опасалась: одно движение, и клыки Белого порвали бы ей артерию.

– Вот так, – удовлетворенно заключила я, наклоняясь к зажатой лапе. Щелчок – стальные зубы раскрылись. Рывок – цепь вырвана из земли. Лязг – капкан отправился в котомку. Потом выброшу в груды таких же около дома. Или отдам Дагмару, он же кузнецом был, кажется... Пусть сделает что-нибудь менее травмирующее и более полезное. Хотя отдаст ведь охотникам, и они снова расставят их по лесу...

Из котомки тем временем появилась лечебная мазь. Я смазала ею пораненную лапу. Даже если кошка потом ее слижет, ничего страшного – внутрь тоже полезно. Хорошо, что кость не перебита, а то пришлось бы тащить зверюгу в сарай на долечивание, а там Сирин, которой вряд ли понравилось бы такое соседство.

– Белый, отпускай ее.

Волк отскочил в сторону. Кошка еще мгновение не двигалась, потом грациозно вскочила на лапы, чуть пошатнулась, задрожала и словно впиталась в землю. На поверхности остались торчать лишь кисточки. Еще секунда – и они двинулись в сторону, зарылись под снег и скрылись из вида.

– Фрр, – заметил ендарь.

– Да, могла бы и спасибо сказать, – согласилась я.

– Грр, – попрощался с нами бес и исчез в предрассветной полутьме. Мы с Белым, не торопясь, отправились домой.

А там нас встретили натопленная печь, горячий травяной настой, подогретые вчерашние пирожки и Дагмар, вполне себе пришедший в себя и даже, кажется, причесавшийся. Увидев рану на моей щеке, он заметно посмурнел.

– Кто это сделал?

– Кошка, – не стала скрывать я, с удовольствием сбрасывая верхнюю одежду.

– Какая кошка?

– Земляная, – терпеливо объяснила я, наклоняясь над ковшиком с водой и изучая свое лицо. Кровь на ране подсохла, стянула кожу, и общий вид умиления не вызвал.

– Как земляная? – удивился Дагмар. – Ее же невозможно увидеть! Она живет только под землей. Смертным не показывается.

Я умылась, приложила к ране чистую тряпицу и села за стол, перебирая зелья в котомке.

– Дагмар, а ты знаешь, кто я?

Кузнец опустил на лавку напротив меня.

– Веда. Лесная ведьма.

– Правильно, ведьма, – подтвердила я, находя, наконец, то, что мне требовалось, и осторожно смазывая рану. – Я занимаюсь тем, что оказываю помощь живущим вокруг существам. Делаю зелье от веснушек для полуденниц. Лечу ревматизм у бродниц. Достаю кость из горла водяного. В общем, помогаю по мере сил всем, кто в этом нуждается. В том числе и вынимаю лапы земляных кошек из капканов, если они в них попадают.

Дагмар кивнул, немного помолчал и спросил:

– А ендарь?

– Лесной бес? Он всегда узнает обо всем первым и, если необходимо, прибегает ко мне и зовет на помощь. Вот, держи. – Я передала Дагмару берестяной коробок с мазью. – Смажь щеки и нос. Боюсь, они вчера слегка обморозились.

Кузнец неловко взял в руки коробок, покрутил его в руках и отложил в сторону. Пришлось лечить его самой. Иногда с мужчинами так же сложно, как и с кошками.

– Кстати, Дагмар, а как ты оказался в моей глуши? Тут на три дня нет ни одного жилья. Только охотники иногда случайно забредают.

– К тебе шел, – просто ответил гость. Я рухнула на табурет, не ожидая такого ответа.

– Ко мне?

Дагмар бережно достал из-за пазухи нечто, при ближайшем рассмотрении очень напоминающее высохший веночек из трав.

– Вот. Это твое.

Ну, может, и мое. Летом я любила плести венки и носить на голове как корону, соревнуясь с летавицами. Но какое отношение это имеет к Дагмару?

– Летом я забрел в лес. За рудой. Случайно увидел тебя, – тяжело, как булыжники, ронял слова гость. – Ты купалась. Я унес венок домой. Все время на него смотрел. Работа из рук валялась. Не выдержал и ушел. Подумал – или найду тебя. Или замерзну. Все равно без тебя не жить.

В глазах его горела такая обреченная привязанность, что я поежилась. Дагмар сильно смахивал на зачарованного, и, по сути, и был им. Кто же наложил на него чары? Не я же. Я его и не видела до вчерашней ночи. Если бы увидела во время купания – никогда бы не забыла эти синие-синие, цвета осеннего неба глаза.

Купания. Русалка. Какая-нибудь из зловредных речных прелестниц, чтоб их отец-Перун покарал! Наверняка их проделки.

– Я не уйду от тебя, – сообщил мне Дагмар без искры сомнения в собственных словах.

Да понятно, что не уйдешь. Просто не сможешь. Даже если и прогоню, ты все равно вернешься, а потом еще и еще раз, пока в один непрекрасный день Белый не учует тебя, и ты замерзнешь в овраге. Я не хочу брать на душу грех смерти ни в чем, собственно, неповинного мужчины. Придется ждать весны, когда сойдет лед и проснутся русалки. Пусть снимают свои чары, и тогда Дагмар вернется в свою деревню.

– Оставайся, – кивнула я. – Лавка вот, печка рядом. С ендарем ты уже знаком. Будет приходить, не удивляйся. Это Белый.

Белый поднял морду и приветственно рыкнул.

– Это волк? – с интересом и без всякого страха уточнил Дагмар.

– Волк. Три лета назад я отобрала крохотного волчонка у разбуянившихся хухликов. Он, видимо, отбил от семьи, белая шкурка не позволила спрятаться в траве, и он еле дышал. У меня как раз недавно погиб мой спутник. Я взяла волчонка, выкормила, и он стал моей семьей. Кстати, за свою жизнь можешь благодарить его – это он учуял тебя во время бурана.

Дагмар подошел к волку, встал на одно колено и почтительно преклонил голову:

– Благодарю тебя, брат.

Белый бережно взял зубами ладонь Дагмара и легко, не до крови сжал ее. Братание состоялось. Я вытерла воображаемые слезы и вернулась к делам насущным, прежде всего к завтраку.

Когда я пошла проверять Сирина, Дагмар увязался за мной. Вернее, не увязался, а сопровождал как само собой разумеющееся. Первым важно шел Белый, приюхиваясь, потом я, а за мной – Дагмар, видимо, прикрывая с тыла.

Сирин встретила незнакомца музыкальной руладой, порозовевшими щеками и полуприкрытыми в истоме глазами. Она даже не отреагировала на мои упреки: за ночь и утро птица умудрилась сорвать повязку и сбить дощечки. И рычать Белому не потребовалось. Дагмар почесал птичке горлышко, перебирая нежные перышки, Сирин положила голову ему на плечо и застыла так, удовлетворенно напевая. Я вновь наложила шины, примотала их покрепче и пропитала повязку горькой полынной настойкой – и для заживления, и для неприятного вкуса, чтобы Сирин больше не вздумалось цепляться в нее зубами.

– Сирин, не трогай больше крыло! Иначе оно не срастется, и ты не сможешь летать.

Птица недовольно курлыкнула и вновь подставилась под руку Дагмара.

– Она больше не будет, – пообещал кузнец, лаская ее. – Умная птичка.

Трель, в которой сквозили согласие и удовольствие, завершила его слова.

– Надо же, – покачала я головой, глядя на такую строптивую со мной Сирин, быстро подчинившуюся незнакомому мужчине. Во мне шевельнулось странное и тягостное ощущение. Мне почему-то было неприятно смотреть на воркующую Сирин, прильнувшую к широкому торсу Дагмара. Неприятно – значит, не буду. Я свистнула Белому и вышла из сарая. Дагмар присоединился к нам, не успели мы отойти и на два шага.

На следующее утро ендарь ворвался вместе с рассветом и сообщил о кашле у лесавок. Я категорически запретила идти вместе со мной гостю. Одно дело – крупная, но, в общем, безобидная женщина-птица. Другое – неумные детишки лешего и кикиморы, причем мамочка в настоящий момент мирно спит в своем болоте, а изможденный отец редко в состоянии приструнить пострелят. Человек для них – вечный предмет розыгрышей, не всегда безопасных. У меня и так будет достаточно забот, чтобы отловить их по одному и влить в горло подслащенный медом настой. А если придется еще и следить, чтобы они не вцепились в бороду и волосы Дагмару...

Гость неохотно согласился. И правильно. День для меня прошел точно так, как и ожидалось: в непрерывной погоне за мельтешащими отпрысками лешего, долгих уговорах и в итоге насильственном вливании в них целебного зелья, в попытках понять, кому из лесавок я уже дала порцию, а кому – нет, в повязывании на них тряпочек, чтобы пометить облеченных, и потом обреченном понимании, что бесенята просто-напросто обмениваются ими.

Домой я вернулась усталая, оглушенная писком и визгом, исцарапанная мелкими острыми коготками и липкая от проливавшегося настоя. Хотелось лечь, есть, пить, умыться, переодеться, смазать ноющие царапины, закрыть глаза и прислушаться к благословенной тишине – и все это одновременно. Но я точно помнила, что в печке оставалось лишь немного каши на дне чугушка, и ее наверняка доел Дагмар, так что сначала необходимо быстро соорудить что-нибудь нам троим на ужин.

Из открывшейся двери на нас пахнуло таким вкусным запахом тушеного мяса, что у меня потекли слюнки, а Белый встал на пороге и долго, с наслаждением принюхивался.

– Заяц, – уронил Дагмар. – С овощами, какие нашел. И парой травок.

Скорее, не парой, а пятком – оценила я, распробовав мясо. Тимьян, розмарин, дикий чеснок, петрушка и что-то еще из моих запасов. Очень вкусно, очень сытно и очень неожиданно.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, облизав ложку и борясь с желанием вылизать миску, как Белый.

– Не за что, – пробурчал Дагмар, протягивая мне коробок с мазью. – Намажь свои царапины. Завтра я пойду с тобой.

Я не смогла его отговорить. Он просто не слушал, оделся, при полном одобрении Белого спустился во двор, подождал, пока я выйду, и занял привычное место в арьергарде процессии.

Мне не пришлось спасать его от лесавок. Первая же парочка, вознамерившаяся прыгнуть на голову Дагмару, получила увесистый щелчок в лоб и предупреждение, что так будет с каждым. После чего вся банда уселась вокруг кузнеца и упоенно слушала, как он короткими рублеными фразами пересказывает им одну из человеческих сказок про рябую курочку. Мне оставалось только брать их по одному, вливать в горло зелье и сажать на место. Леший завороженно наблюдал за происходящим и, прощаясь, уважительно пожал гостю руку.

Второе потрясение ожидало меня в сарае. За вчерашний день Дагмар не только успел приготовить нам еду, но и законопатил щели. Теперь в сарае не дуло, и Сирин блаженствовала, распушив перья и мелодично напевая. С повязкой на крыле все обстояло превосходно, она не сместилась, птица ее не трогала, и единственное, что испортило мне настроение – это вид женской головки, примостившейся на плече Дагмара. Это не уменьшило моей благодарности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.